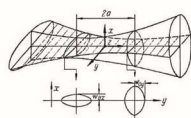

А. М. Гончаренко

ОПТИЧЕСКИЕ ГАУССОВЫ ПУЧКИ И СОЛИТОНЫ

Игорь Васильевич Котляров

Социология политических партий

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7582799

*Социология политических партий / И. В. Котляров.: Беларуская навука; Минск; 2011
ISBN 978-985-08-1282-7*

Аннотация

На основе социологического анализа произведений классиков и теоретиков партологии, контент-анализа программных документов и интервью лидеров политических партий Республики Беларусь, архивных материалов, результатов многолетнего социологического мониторинга раскрыта сущность современных политических партий Беларуси, генезис их развития, идеологическая ориентация и политическая платформа, электорат и перспективы, построена многомерная модель современных политических партий, предложена новая методология их изучения.

Книга предназначена для политиков, занимающихся проблемами формирования белорусской многопартийности и гражданского общества, студентов и аспирантов.

Содержание

Введение в социологию политических партий	5
Концепт политической партии: сущность, значение, определение	12
Происхождение политических партий	32
Типология политических партий как объект социологического анализа	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Игорь Васильевич Котляров

Социология политических партий

Р е ц е н з е н т ы:

доктор политических наук, профессор С. В. Решетников

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман

Введение в социологию политических партий

Человеческое общество находится в постоянном движении. Создаются, совершенствуются, развиваются, разрушаются различные общественные структуры, усложняются общественные отношения, происходят качественные сдвиги в науке и технике, характере производства и социальной структуре, в мышлении и знаниях. Как результат, меняются способы производства, что обеспечивает смену общественно-экономических формаций и детерминирует соответствующие изменения всего общества. Последовательно и неуклонно преобразуются социальные институты, нормы, ценности, а следовательно и сам человек со своими интересами, идеалами и ориентациями. Усложнение социальной структуры одновременно является условием и следствием растущего многообразия политических запросов и устремлений, ценностей и идеалов индивидов.

Как показывает политическая реальность, разнообразие интересов и ценностей, идеалов и ориентаций, являющихся системообразующим фактором развития любого сложного общественного организма, неизбежно детерминирует различное понимание сущности и роли властных структур, взаимоотношений государства и отдельных личностей, формирование различных социально-философских и идейно-политических ценностей, установок и ценностных ориентаций. Люди с одинаковыми идеалами и ценностями, интересами и воззрениями создают основания для организованной и целенаправленной деятельности, образуют ядро активной и организованной общественности, в конечном итоге объединяются в определенные структурные подразделения для достижения общих целей, решения общих задач, одной из которых является овладение механизмами принятия и реализации государственных решений. Такими структурами и стали *политические партии*, сформировавшиеся на основе приведения к общему знаменателю разнородных интересов, подходов и позиций различных политических сил, суммирования общественных и личных интересов граждан, формирования на их основе идеологических и политических позиций, поиска и продвижения кандидатов для избрания или назначения в органы государственной власти и местного самоуправления.

Трудно назвать другую организацию, считает известный российский исследователь *Леонид Сморгунов*, которая была бы сравнима по политической значимости с партией. Даже современное государство скорее является административным, а не политическим и приобретает последнее качество лишь в связи с партийной системой [180, с. 307].

Первые политические партии современного типа были образованы в период перехода от феодального к капиталистическому обществу. Падение авторитета королевской власти, формирование нового политического института – парламента, распространение избирательного права привели к пониманию необходимости создания принципиально нового политического института, способного заставить людей прийти на выборы, убедить их в правильности программ того или иного политика, заставить их проголосовать за этого человека. Таким инструментом и стали политические партии. Говоря о причинах, сделавших необходимым появление политических партий, вождь мирового пролетариата *В. И. Ленин* в известной работе «Как В. Засулич убивает ликвидаторство» писал: «Каким же образом определить волю широкого слоя в несколько сот тысяч или в несколько миллионов человек? Абсолютно невозможно определить волю широкого слоя, если он не организован в одну организацию – это поймет даже ребенок [427, с. 36].

Современные политические партии прошли долгий путь формирования и развития. Они являются продуктом социально-экономических и общественно-исторических условий жизнедеятельности каждой конкретной страны. Серьезный отпечаток на их структуру, эффективность, методы деятельности накладывают особенности социокультурного разви-

тия, исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и т. д.

В настоящее время политические партии представляют в законодательных органах политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, содействуют политической социализации граждан, являются посредниками между населением и государством, эффективным механизмом, дающим гражданам реальную возможность избирать государственную власть и сменять ее легитимным способом при помощи выборов и без применения насилия. Именно они направляют неуправляемую стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за лучшее будущее. Политические партии содействуют активизации политической активности народных масс. Как считает известный французский социолог *Морис Дюверже*, политические партии – это инструмент выражения, формирования и представительства общественного мнения, средство политического самоопределения граждан и субъект ответственности власти перед ними, избирательный бюллетень – единственно реальная форма общественного договора граждан с властью [53].

В настоящее время в мире не существует ни одной «беспартийной демократии». Как утверждает известный немецкий ученый *Филипп Шмиттер*, «представительная демократия, контролируемая посредством многопартийных, состязательных выборов, служит ориентиром демократической трансформации поставторитарных обществ в любом культурно-географическом регионе мира» [592, с. 27]. По мнению *Л. Сморгунова*, «современная демократия остается партийной демократией при всем множестве ее идеальных типов и реальных моделей» [180, с. 307]. *М. Дюверже* неоднократно подчеркивал, что «режим без партий» – это «режим без демократии» [53].

Политические партии являются важнейшими структурными элементами гражданского общества. Они заинтересованы в формировании развитых структур гражданского общества, прежде всего для того, чтобы использовать их ресурсы для победы на парламентских выборах, для обеспечения прав и свобод людей, для получения реальных возможностей управления современным обществом. В свою очередь, структуры гражданского общества заинтересованы в активном воздействии на власть и рассматривают политические партии как один из важнейших механизмов такого влияния. У политических партий и их парламентских фракций, как правило, гораздо больше реальных возможностей превратить делания, потребности, интересы больших масс людей в конкретные законопроекты.

Изучение политических партий как политико-социального феномена является одним из наиболее значимых и перспективных направлений современной общественной науки. В то же время теоретических и прикладных исследований явно не хватает. Еще в начале прошлого века известный немецкий социолог *Вальтер Зюльцбах* в работе «*Основы образования политических партий*» писал: «Политические партии играют важнейшую роль в жизни общества, ежедневно им посвящается столько речей, газетных статей, разговоров, но литература, в которой идет речь о глубинных причинах образования партий, по сравнению с ними ничтожно мала. Но еще ничтожней, чем общий объем, ее содержание» [67, с. 63]. С тех пор прошло более ста лет, но практически ничего не изменилось. Работ, посвященных исследованию политических партий, по-прежнему очень мало. И они практически не решают стоящих перед наукой задач. Хотя следует отметить, что теоретико-методологический и практический интерес к этому направлению исследований в отечественной науке значительно усиливается. Это объясняется, прежде всего, становлением белорусской государственности, созданием сильной, процветающей и независимой Беларуси, формированием принципиально новой политической системы и ранее неизвестного для нашей страны гражданского общества. Особое место в этих процессах занимают политические партии, которые постепенно вписываются в механизм организации и осуществления государственной власти в Республике Беларусь.

Однако в данной сфере имеется огромное количество проблем. Авторитет политических партий постоянно уменьшается. Они практически не участвуют в принятии политических решений, не влияют на политические процессы в современном обществе. Лидеры политических партий оказались не способными представлять и отстаивать интересы своих избирателей в высших представительных органах. Партийные лидеры в лучшем случае не интересны широким народным массам. В партиях практически не ведется теоретическая и идеологическая работа, нет интересных и понятных людям идей. Партийные аналитики тупы и бездарны, совершенно не знают, как живет народ, что он хочет. Пишут они только то, что желают увидеть и услышать их спонсоры с толстыми кошельками, набитыми «зелеными» бумажками. Некоторые люди вступают в политические партии, чтобы решить свои «шкурные» вопросы, а когда это не выгодно, уходят из партии. За примерами ходить далеко не надо. Ряд депутатов белорусского парламента избирались беспартийными. Но оказывается, что зарегистрироваться кандидатами в парламент следующего созыва намного проще от партии, и они становятся членами партии. Потом, когда эта потребность отпадает, они уходят из партии. О таких людях *Уинстон Черчилль* говорил: «Одни меняют партию ради принципов, другие – принципы ради партии» [цит. по: 20, с. 641]. Можно сделать вывод, что партийные системы многих стран, в том числе и современной Беларуси, стремительно деградируют.

В настоящее время белорусская многопартийность находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем почти все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. Доказательство этому – социологические опросы, показывающие, что граждане практически не доверяют всем белорусским политическим партиям. Возникает вопрос: что может сделать политическая партия, которую поддерживает около одного процента населения, а против – девяносто девять процентов. Но почему политические силы, которые по теории должны отстаивать народные интересы, не поддерживаются этим народом?

Президент Республики Беларусь *Александр Григорьевич Лукашенко*, выступая на четвертом Всебелорусском народном собрании, с болью в душе отметил: «...часто меня упрекают: мол, нет политических партий, потому что Глава государства против. Неправда! Никогда не выступал против партий, плюрализма мнений, по-хорошему государственной дискуссии по вопросам развития нашей страны. Ну и правда заключается в том, что я и не пойду ни в какую партию, я из той партии не выходил, партийный билет, пусть это прозвучит непопулярно, у меня лежит в шкафу, на полке, с юношеских времен – он мне дорого обошелся. Поэтому ни в какую новую партию я не пойду, а той, к которой я принадлежал, уже не будет. Плохо это или хорошо – это дело вкуса каждого. Но я не против партий. Я только против одного – ни одна партия не должна создаваться сверху! И этого не будет, пока я Президент. Если эта партия созреет, если она начнет выкристаллизовываться снизу, от народа, она будет иметь свои корни – нельзя дом построить с крыши. Поэтому не буду я создавать никаких партий. Но партийное строительство я буду поддерживать всегда, если эти партии будут конструктивные, если они будут настроены на сотрудничество, если члены партии и лидеры будут любить свой народ, как люблю я, если они будут беречь свою страну, то милости просим, моя полная поддержка. Поэтому неправда, что я против партий.

Мощные, государственно настроенные политические партии – не помеха, а опора государственного устройства.

Но я категорически против, еще раз повторяю, искусственных образований, которые есть не что иное, как междусобойчики оторванных от жизни людей. Подобные структуры являются источником коррупции, злоупотреблений и даже экстремизма.

Сверху партии в Беларуси никто создавать не будет и еще более тратить на это народные деньги. Никаких бюджетных денег на партийное строительство мы из бюджета выделять не будем, нам есть куда направлять деньги и на что их тратить.

А то деятели из “диванных” партий, наспех состряпанных компаний и движений, когда у них начали иссякать зарубежные подачки, стали требовать бюджетного финансирования. Захотят люди объединяться в партии – на здоровье, но только в строгом соответствии с нашим законодательством» [459].

Необходимо определить основные причины подобного положения, провести концептуальный анализ сложнейшей политической ситуации. Это может сделать только гуманитарная наука, и прежде всего политическая социология, а если быть еще точнее – социология политических партий. Более пятидесяти лет назад *М. Дюверже* в своей знаменитой работе «*Политические партии*» отметил: «Мы оказались в порочном кругу: общая теория партий может быть создана после того, как будут проведены глубокие предварительные исследования; но эти исследования не могут быть по-настоящему глубокими, пока не сформулирована общая теория» [53]. Выходом из этого круга, по нашему мнению, должно быть социологическое изучение политических партий как важного общественного феномена, как политических структур, без которых не может развиваться современное общество.

Социология политических партий – это отрасль социологической науки, изучающая закономерности построения, функционирования, развития и постоянной деятельности политических партий во всей сложности и многообразии структуры и политических процессов, их роль и значение в политической жизни, проблемы подготовки партийных лидеров и кадров, участия во властных отношениях, воспитания электората, формирования общественного мнения.

Социология политических партий включает в себя описания фактов и экспериментальных данных, и, как любая уважающая себя наука, должна иметь определенный набор параметров, элементов, характеристик. Среди них важнейшее место занимают следующие:

научное определение рассматриваемого объекта и его составных частей;

специфическая методология исследования, опирающаяся на оригинальную исследовательскую парадигму;

собственный категориальный аппарат, отражающий специфику данной науки;

процедуры выработки рабочих гипотез, которые проверяются экспериментами или накопленным опытом;

обобщенные результаты, обычно излагаемые в форме законченных моделей, концепций, теорий [63; 412; 416; 417].

Объектом социологического познания являются политические партии как единый и сложнейший общественный организм. Политические партии характеризуются только им присущими системными свойствами, детерминирующими определенный тип политических субъектов. Как объект политического анализа политические партии – это исторически сложившиеся в процессе общественного развития внутренне дифференцированные элементы политической системы, которые активно участвуют в процессах завоевания, использования и удержания политической власти. В центре внимания социологии политических партий всегда должны находиться вопросы влияния политических партий на политическую реальность. В подавляющем большинстве современных государств политические партии активно участвуют в процессах подготовки руководителей различных уровней, что также является предметом изучения данной науки. Еще одним предметом социологии политических партий являются партийные лидеры. Известный американский исследователь, один из авторов теории бихевиоризма *Гарольд Лассуэлл* в своей известной книге «*Психопатология и политика*» писал, что политическая наука без биографии подобна таксидермии – науке о набивании

чучел [111]. То же самое можно сказать и о социологии политических партий, которая изучает проблемы формирования и деятельности партийных лидеров.

Политические партии – это сложный общественный феномен, который требует тщательного и разностороннего подхода. И в его основе должна находиться методология, определяющая направление движения, общие принципы и цели исследования, построение модели и разработку концепции исследований, выбор методики и инструментария, методов и средств деятельности, интерпретацию данных. Так как социология политических партий как самостоятельная наука еще не полностью сформировалась, то от методологического обеспечения исследований во многом зависит дальнейшее развитие науки, результаты исследований и практические рекомендации.

Анализ сложной современной социально-политической ситуации требует от современных исследователей более внимательного отношения к методологии, так как от выбора методологических принципов и способов анализа научного предмета зависит результат исследования.

Социология политических партий уделяет особое внимание прежде всего политическим партиям как социальным и политическим организациям, их программам, уставам, истории возникновения, логике развития, их влиянию на общественное сознание и политическое поведение. Она предполагает широкое исследование политических партий в социальном и политическом аспекте в комплексе внутренних и внешних связей, во взаимосвязи и во взаимовлиянии с общим ходом политических инноваций. Первый подход позволяет сосредоточить особое внимание на имманентном аспекте политических партий как важнейших социальных и политических структур. Второй подход позволяет изучить деятельностный аспект политических партий в совокупности с реальной социальной и политической ситуацией, историческим и современным политическим ландшафтом. Сочетание сильных сторон обоих подходов является не методологическим противоречием, а методологическим компромиссом, который представляется целесообразным с содержательной и формальной точек зрения [121, с. 6–8]. В рамках такого методологического подхода достаточно эффективно решаются задачи политической социологии как задачи изучения и обобщения деятельности политических партий во взаимосвязи и во взаимовлиянии с общим ходом общественного развития.

С момента возникновения политической социологии сложились традиционные подходы и научные принципы изучения политических структур. Но в то же время политические партии – это своеобразный политический институт, требующий специфического подхода. Кроме того, в современной науке поиск исследовательских программ продолжается, их многообразие увеличивается с каждым годом, и это важно учитывать. Совершенно ясно, что ни один из современных методов анализа политических и социальных явлений не может полностью отразить реальность во всех ее проявлениях из-за ее сложности и противоречивости. Поэтому необходимо постоянно продолжать научных поиск новых методологических подходов к исследованию политических реалий, новых методик изучения политических структур и явлений.

Одним из таких методов, уже зарекомендовавших себя в социологии политических партий, является сравнительный анализ политических партий как органическая часть социологического исследования политических процессов и явлений. Как считает известный российский исследователь *Александр Кулик*, одна из важнейших задач сравнительного анализа политических партий – «помочь партиям самоидентифицироваться, объективно оценить свое место, а также реальные и потенциальные возможности с тем, чтобы они могли играть адекватную роль в становлении гражданского общества, служить гарантом социальной стабильности [416, № 2, с. 33].

В борьбе разнообразных позиций и мнений вырабатываются новые теории, концепции, модели, подходы к анализу политических феноменов, выявляются малоизученные аспекты традиционных проблем, происходит дальнейшее развитие научного знания. В данном исследовании предлагается принципиально новая трехзвенная концепция социологического изучения политических партий, многофакторная модель политической партии.

Как и любая современная наука, социология политических партий имеет свой *категориальный аппарат*, свой научный язык, только ей присущий предмет исследования, а ее развитие требует методологических новаций. Одной из важнейших задач данной отрасли социологической науки является развитие понятийного аппарата. Это проблема точности и логичности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность любой науки. Нарботанное отечественным и зарубежным исследовательским опытом должно активно внедряться в повседневную практику изучения политических партий. При своевременной социологической рефлексии это послужит методологическим импульсом в развитии логической определенности понятийного аппарата социологии политических партий.

Благодаря междисциплинарному характеру исследований в социологии политических партий присутствуют категории политической социологии и философии, политологии и психологии, ряда других наук. Политическая социология дала социологии политических партий основные методические приемы, методологию и методику социологических исследований. Политология снабдила социологию политических партий категориями политической системы и политического участия, гражданского общества и плюрализма, гегемонии и демократии, иными понятиями, описывающими политические феномены. В социологии политических партий они работают в том же значении, что и в политологии, наполняясь при этом собственно содержанием. Политическая философия внесла свой вклад в становление социологии политических партий, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями. Так, например, в известной работе *Моисея Острогорского «Демократия и политические партии»* раскрыты механизмы организации и функционирования политических партий, причины их возникновения и развития к более сложным политико-организационным формам [139].

Известный историк, экономист и социолог *Роберт Михельс* в работе «*Социология политической партии в условиях демократии*» сформулировал «железный закон олигархических тенденций» в буржуазной демократии, согласно которому любой руководитель, вначале отстаивающий интересы простых членов партии, обязательно превратится со временем в олигарха, стоящего на страже партийной элиты [475].

В то же время в современной науке нет общепринятого определения политической партии, отсутствует и единство подходов к пониманию ее сущности и характерных признаков. В современных научных исследованиях насчитывается более четырехсот определений дефиниции «политическая партия».

Сегодня как никогда актуален социологический анализ места, роли и влияния политических партий как субъектов политического процесса, во многом зависящих от правовой регламентации со стороны государства, избирательной системы белорусского общества.

Необходимо строго научное изучение причин «размытости» института политических партий в структуре белорусского общества, проявляющейся в функциональном, организационном и структурном сходстве многих современных белорусских политических партий с общественно-политическими объединениями: движениями, комитетами, клубами, группами давления. Такая ситуация требует специального изучения роли политических партий в современной модели государственного устройства страны с сильной властью президента.

Очень важны в рамках социологии политических партий выявление закономерностей формирования и институционализации белорусских партий, их влияния на процессы

построения сильной, процветающей и независимой Беларуси; изучение особенностей развития политических партий и партийной системы нашей страны; анализ перспектив белорусских политических партий, их роли в процессе формирования и становления белорусской государственности и национального гражданского общества.

Одной из важнейших задач социологии политических партий является построение их *многомерной модели*, в которой следует отразить наиболее важные, системообразующие, основополагающие параметры и характеристики политических партий, отражающих сущность партийных структур. Причем *социологическая модель* должна отображать в формализованном виде гипотетические представления о политической партии как социологическом субъекте политических процессов, что требует принципиально иной структуры понятий, других параметров и характеристик, специфического аппарата исследования, обладающего адекватным аналитическим и прогностическим потенциалом.

Анализ роли и места социологии политических партий в современном общественном процессе, ее объекта и предмета указывает на то, что она находится в центре внимания представителей различных отраслей знания и действующих политиков. При этом очень важно обеспечить интеграцию конструктивных идей, моделей, решений и подходов, эффективных научных решений и политической практики. Это даст толчок более быстрому развитию теории социологии политических партий.

Концепт политической партии: сущность, значение, определение

«*Есть такая партия*», – заявил в 1917 г. вождь мирового пролетариата *Владимир Ильич Ленин*. Эта фраза, ставшая крылатой, прозвучала на I Всероссийском съезде Советов в ответ на высказывание одного из лидеров российской социал-демократии *Ираклия Церетели* о том, что в России нет политической партии, которая смогла бы взять власть в свои руки. Слова В. И. Ленина еще раз подтвердили общепризнанное сегодня мнение: политические партии – именно те структуры, которые способны эффективно влиять на происходящие в обществе процессы, отвечать за сложившуюся в стране ситуацию, предлагать выход из кризисного состояния.

Политические партии в настоящее время существуют в том или ином виде во всех без исключения цивилизованных государствах мира и представляют собой важнейший инструмент политической борьбы различных социальных групп и слоев за политическую власть. И все-таки и ученые, и практики, и политики, и простые люди постоянно спрашивают: что же такое политическая партия? Какова их роль в современном обществе, в политических процессах, происходящих в государствах? «Партиями одинаково называют, – утверждает известный французский социолог *М. Дюверже*, – как большие народные организации, которые выражают общественное мнение в современных демократиях, так и враждующие группировки античных республик или кланы, которые складывались вокруг какого-нибудь кондотьера в Италии эпохи Ренессанса; клубы, объединявшие депутатов революционных ассамблей, и комитеты, подготавливавшие цензовые выборы в конституционных монархиях. Отчасти это оправдано, ибо отражает некоторое глубокое их родство: разве эти институты не играют одну и ту же роль, сущность которой – борьба за политическую власть и ее отправление? И тем не менее очевидно, что речь идет о разных вещах» [53, с. 21]. Американский исследователь *Джеймс Брайс* однозначно утверждал, что «дух и сила партий были в Америке так же необходимы для приведения правительственного механизма в действие, как пар необходим для локомотива» [23, с. 267]. Известный современный испанский политолог *С. Агилера де Прат* заявил, что политические партии являются «главным инструментом взаимосвязи между государством и гражданским обществом» [219, с. 108]. По мнению классика социологии политических партий *М. Острогорского*, «группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свое мнение и действовать» [139, с. 564]. В то же время он же особо подчеркивал, что партия обычно представляла собой лишь вывеску, прикрывающую иногда глубокие расхождения во мнениях, борьбу между фракциями, иногда более ожесточенную, чем та борьба, в которую она вступала с соперничающей партией. «Партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток подобному вмешательству. Только в России недавно решили установить “легальные” политические партии» [139, с. 543–544].

Классик немецкой социологии *Макс Вебер* в своем знаменитом труде «*Политика как призвание и профессия*» следующим образом определял сущность и значение политических партий: «Относительно небольшое количество людей заинтересованных в первую очередь

в политической жизни, то есть в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов» [26, с. 671].

Известный российский исследователь *Юрий Гамбаров* в начале прошлого века предложил следующее определение политической партии: «Политическая партия есть общественная группа. Это значит, что она не представляет собой целого народа или общества и есть только... часть народа или общества. Поэтому одной партии или партии в единственном числе не может существовать: часть предполагает другую часть, или другие части, и не только существование, но и развитие каждой партии необходимо связать с существованием и развитием, по крайней мере, одной из противных ей партий» [37, с. 3–4]. Известный американский исследователь *Артур Шлезингер* писал в начале 80-х годов прошлого столетия: «Политические партии представляют собой абсолютную аномалию в американском политическом устройстве. В представлениях и традициях отцов-основателей республики политическим партиям не было места» [206, с. 370–371]. Тот же *М. Острогорский* в работе «*Демократия и политические партии*» подчеркивал, что именно благодаря политическим партиям «посредничество между народом и его многочисленными уполномоченными третьего сословия, выбор которых он лишь утверждал, смело до минимума ответственность перед их, так сказать, доверителями и отдало действительную власть в руки избирательных агентов и их руководителей, которые под предлогом приведения в порядок общественного мнения сделали таким образом хозяевами положения» [139, с. 541]. Кстати, выход из этого положения *М. Вебер* видел в плебисцитарной демократии. Существует ироническое определение, согласно которому партия – «это элегантное инкогнито для спасения человека от неприятной необходимости думать», а также рационалистическое: «партия – это объединение для реализации общего блага». «Большинство людей идут в партию по невежеству, а выйти не могут от стыда», – утверждает *Джордж Галифакс* [20]. «Серьезная политическая партия осуждает всякую подлость, если она не включена в программу партии», – убежден немецкий ученый и публицист *Вильгельм Швобель* [20]. Поэтому совершенно резонны вопросы: что такое политическая партия, каковы ее сущность, структура, в чем отличие от других общественных организаций?

Слово «партия» латинского происхождения. Оно означает часть целого. В социологической и политологической литературе существует огромное количество подходов к пониманию сущности и определению политической партии. С различными нюансами и оттенками, по скромным подсчетам, их около четырехсот. Это требует рассматривать политическую партию как важный социально-политический феномен, закономерное явление, обусловленное сложностью и многоаспектностью исследуемого объекта, а также различным пониманием содержания, социального предназначения и функций.

Никто из исследователей не спорит с тем, что политическая партия – это наиболее активная, сознательная и организованная часть какой-либо социальной группы, общественного слоя или класса, которая формулирует, выражает и представляет во властных органах их интересы, борется за политическую власть в государстве или участие в ее осуществлении. Или, как отмечается во многих монографиях и учебниках, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных идей, целей и стремящаяся к завоеванию и использованию политической власти в обществе [102; 105; 108].

Политическая партия как наиважнейшая общественная организация имеет ярко выраженную функционально-целевую природу, так как создается для достижения определенных целей, прежде всего прихода к политической власти. Эти цели имеют достаточно сложный политический характер, и для их достижения требуются усилия большого количества системно организованных людей.

Известный американский ученый, профессор политических наук Йельского университета *Джозеф Лапаломбара* выделил четыре системообразующих элемента, характеризующих политическую партию:

любая партия – это носитель идеологии или особого политического мировоззрения;

любая партия – это организация, т. е. структурированное объединение людей;

цель политической партии – это участие во власти;

каждая политическая партия стремится обеспечить себе поддержку народа от расширения членства до поддержки ее на выборах [671].

Формирование политических партий современного типа началось в середине XIX в. Партиям, по мнению американских политологов *Джозефа Лапаломбары* и *Майрона Вайнера*, свойственны четыре основных основополагающих признака. Смысл этих признаков изложен в известном труде данных исследователей «*Политические партии и политическое развитие*»:

прочность организации, т. е. ее способность к жизни после ухода со сцены ее руководителей;

наличие разветвленной сети местных организаций, имеющих устойчивые отношения с руководством на национальном уровне;

решительное устремление партийных руководителей национального и местного уровней завоевать и осуществлять власть;

стремление получить всенародную поддержку на выборах [672; 673].

По мнению *Дж. Лапаломбары* и *М. Вайнера*, прочность и долговременность политических партий позволяет отличать их от временных клиентелистских групп и фракций, исчезающих вместе со своими лидерами, основателями и вдохновителями.

Так говорят и пишут теоретики, классики социологии политических партий. Но вот какой вывод делает практик, первый заместитель председателя политсовета Приднестровской республиканской партии *Н. Н. Смоленский*: политическая партия должна следовать таким принципам:

обоснованность, т. е. создание партии исходя из объективной необходимости, а не надуманно, в угоду каким-то сиюминутным веяниям капризной моды;

ответственность, понимание той меры ответственности, что лежит на ней как на важном инструменте воздействия на общественные процессы, а значит, на судьбу каждого из членов общества;

конструктивность, способность к созидательной деятельности в интересах общества;

последовательность, т. е. декларирование и реализация одного и того же, а не прямо противоположного;

реальность, представление интересов реальных слоев общества» [543].

Н. Смоленский приводит также факторы, которые были определены им «как противопоказания к партийному строительству», а именно:

«местечковый вождизм» – стремление создать политическую партию под амбиции того либо иного человека вне оценки реального положения дел в партийном строительстве;

«многоразовые грабли» – стремление непременно в процессе развития партийного строительства повторить все ошибки, допущенные в этой сфере ранее;

«поверхностность» – создание партии по моде, а не по разумной необходимости;

«попсовость» – увлечение внешними эффектами в убыток фундаментальным требованиям к созданию политической партии;

«лукавство» – декларирование одних постулатов, а следование в практической деятельности прямо противоположным постулатам;

«воинственный дилетантизм» – стремление заниматься деятельностью, требующей (как и любая деятельность) знаний, людей, абсолютно к этому не готовых, но исключительно

настойчивых. Так, предприимчивые люди, не увязывающие в своих представлениях такие категории, как «партия» и «политическая система», добиваются до партийного строительства с элементарной целью: партия для них – исключительно инструмент реализации властных амбиций, с помощью которого они планируют решать более значимые свои амбиции – экономические;

«подмена понятий», когда за цели политической партии выдаются способы достижения партией этих целей. Считается, что целью политических партий является приход к власти, в то время как это не цель, а лишь способ достижения целей, которые очень обобщенно можно определить как «привнесение чего-то нового и лучшего в обустройство только общества» [543].

Полномасштабность организации, включающей местный уровень, отличает политическую партию от парламентской фракции или группы, которые существуют только на национальном уровне, не имея совершенного и постоянного комплекса связей со своими региональными организациями.

Цель осуществления политической власти позволяет видеть отличие политических партий от различных общественных структур, занимающихся в определенной степени политическими проблемами (профсоюзов, молодежных и иных организаций). Непосредственная цель политических партий – овладение властью или участие в ее осуществлении.

Стремление к народной поддержке, особенно путем выборов, отличает партии от групп давления, которые обычно не участвуют в выборах и парламентской жизни и оказывают лишь некоторое целенаправленное влияние на политическую власть, политические партии, правительство, средства массовой информации, общественное мнение [672, с. 3].

Известный американский исследователь, профессор университета Вандербильда (США) *Эйвери Лейзерсон* («Партии и политика. Институциональный и поведенческий подход») убежден, что политической партии присущи три детерминирующих параметра:

носитель определенной идеологии и в этом смысле выразитель определенного общественного мнения;

представитель тех социальных слоев, которые ее поддерживают;

группа, представляющая значительную силу благодаря своей организации и руководству [676, с. 133–135].

Советский ученый *Тигран Бекназар-Юзбашев* в работе «Партии в буржуазных политико-правовых учениях» отмечает, что для политической партии в самом общем виде характерно выделение двух признаков:

1) качества обособленности группы людей по отношению к другим членам общества или ко всему обществу,

2) внутренней взаимосвязи, партнерства, наличия объединяющего начала [10, с. 141].

Он предложил следующее определение политической партии, с которым можно согласиться: «партия – это специфическая общественная, но обладающая особым правовым статусом в государстве политическая организация в рамках государства, его национально-автономной единицы или межгосударственного образования, представляющая собой группировку людей, объединенных общностью политических взглядов, как правило, формально зафиксированных в программных документах, которая, опираясь на определенную идеологию и представляя конкретные идеологически оформленные социально-классовые интересы, стремится активно участвовать в общественно-политической и государственной жизни, преследует цель завоевания и осуществления власти в государстве, реализуя таким образом интересы и цели соответствующего общественного класса» [10, с. 148].

В США широко распространено мнение, что политические партии – это машины (аппарат) для производства выборов и получения тех или иных выгод, которые дают эти выборы. *Энтони Даунс* в работе «Экономическая теория демократии» утверждал, что пар-

тия – это «команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» [628, с. 25]. *Артур Шлезинджер* заметил, что некоторые ученые «стремятся дать такое определение партии, чтобы под него попадали все претендующие на это название организации». «Но мое понимание, мое определение, – продолжает мысль ученый, – относится лишь к тем партиям, которые участвуют в свободных выборах, в особенности если с течением времени они способны одержать на выборах победу» [717, с. 6]. По мнению французского классика социологии политических партий *М. Дюверже*, политические партии как «машины» – это полутеневые бюрократические организации, сложившиеся в последней трети XIX в. в США, Англии, Германии, включающие профессиональных политиков и влиятельных претендентов на политические должности, от которых постепенно стала зависеть вся внутренняя жизнь партий, выдвижение кандидатов и проведение избирательных кампаний, распределение государственных постов и высших должностей. «Машины» зачастую возвышались и над парламентариями, и над официальными лидерами партий. Феномен «машины» впервые был исследован *М. Острогорским* и *М. Вебером*. В США и некоторых других англосаксонских странах и сегодня «машиной» называют аппарат политических партий, реальная власть которого во многом носит неофициальный характер [53, с. 37].

Видный российский исследователь правового статуса политических структур *Юрий Юдин* в работе «*Политические партии и право в современном государстве*» проанализировал законы многих стран в сфере партийного строительства, выделил три фундаментальных, системообразующих фактора, детерминирующих политическую партию как правовой институт. По мнению ученого, при отсутствии хотя бы одного из них политическая партия теряет юридическое качество. Первый признак: политическая партия – это общественное объединение, главной целью участия которого в политическом процессе является завоевание и осуществление (или участие в осуществлении) государственной власти в рамках и на основе конституции и действующего законодательства. Второй признак: политическая партия – это организация, объединяющая индивидов на основе общности политических взглядов, признания определенной системы ценностей, находящих свое воплощение в программе, которая намечает основные направления политики государства. И третий признак: политическая партия – это объединение, имеющее формализованную организационную структуру [216, с. 37].

Интересную концепцию современной политической партии предложил российский социолог и политолог *Станислав Радкевич*. В своей работе «*Политические партии: общая теория и российские проблемы*» он рассматривал феномен партии в рамках теории постиндустриального общества. Исследователь понимал партию как одну из четырех разновидностей «малых» политических организаций (секты, движения и коалиции) и представляющую собой наиболее распространенный тип политической организации в индустриальных обществах. В аграрных обществах, по мнению *С. Радкевича*, преобладали общественно-политические (социальные) движения, в постиндустриальную эпоху классические политические партии будут вытеснены партиями-движениями с предельно демократичным внутренним устройством и размытыми границами [170, с. 219–220].

Особый интерес представляет модель политической партии, разработанная профессорами Сиракузского университета (США) *Майклом О’Лири* и *Уильямом Коплиным*, – Prince model. Указанная модель включает в себя четыре критерия: ориентация или позиция деятелей в той или иной области, твердость следования своей позиции, власть и влияние отдельных лиц, важность соответствующего вопроса для конкретного лица. Анализ личностного фактора показывает твердость позитивной, нейтральной или негативной позиции, степень ее влияния на политическую ситуацию. Эта модель позволяет количественно рассчитывать вероятность принятия властными структурами тех или иных политических решений [621].

Для более глубокого понимания сути политической партии важно выделить основные качественные характеристики, отличающие ее от любых других общественных объединений и групп граждан.

Партия – это структурно оформленная организация единомышленников. Основной целью создания и функционирования политической партии является борьба за политическую власть. Практически всегда политические партии определяют свои цели и задачи, закрепляя их в программных документах. Однако, как считал М. Острогорский, «противоречие, сначала случайное, между партией как группировкой свободных граждан, преследующих удовлетворение своих политических целей, и партией как отрядом, идущим на приступ власти, для того чтобы разделить добычу, затем сделалось постоянным» [139, с. 565].

Казахстанская исследовательница *Лидия Кармазина* выделяет семь общих (сущностных) признаков, которые в совокупности возводят общественное объединение в статус политической партии:

- политическая партия не инкорпорируется непосредственно в систему государственной власти, она является разновидностью общественных объединений;

- политическая партия – это формализованная, долговременная, постоянно действующая, устойчивая, прочная, иерархическая организация с партийной дисциплиной и субординацией, добровольно соблюдаемыми ее членами;

- политической партии присущ идеологический образ действий, общность политических взглядов ее членов, признание определенной системы ценностей, воплощенных в партийной программе;

- политическая партия нацелена на борьбу за власть;

- политическая партия имеет особый социальный функциональный статус, выраженный в стремлении к оказанию прямого влияния на политическую жизнь и участию в избирательном процессе;

- политическая партия занимает специфическое положение в государстве, т. к. участвует в формировании и функционировании представительных и правительственных органов;

- политическая партия апеллирует к широкой поддержке граждан [331; 332].

Подавляющее количество политических партий закрепляет свои организационные принципы уставом. Как правило, политические партии имеют свою символику и атрибутику, хотя это чаще всего присуще различного рода общественным движениям, не обязательно носящим политический характер. Политические партии стремятся к расширению связей с народными массами, борются за политическое влияние в обществе, широко используют для этого средства массовой информации, трибуны различных государственных и общественных организаций.

Политические партии можно рассматривать как сложные неравновесные саморазвивающиеся самодостаточные социальные системы, соединяющие крайне разнородные элементы: членов, структуру, идеи и ценности, активность граждан и т. д.

Системное рассмотрение любого объекта предполагает:

- определение и исследование системного качества, его системообразующего элемента;

- определение и исследование основных подсистем и элементов системы;

- установление и исследование связывающих подсистемы и элементы отношений, внутренних функций системы;

- анализ среды, ее структуры и свойств, влияющих на функционирование системы;

- анализ и исследование отношений, связывающих систему со средой.

На политическую партию, как на любую социальную систему, постоянно воздействуют внешние раздражители – политические события, которые происходят в обществе, требования различных социальных и политических групп и общественных объединений, митинги протеста, демонстрации, забастовки и т. д.

На выходе политической партии как социальной системы находятся решения центральных органов партии, организации митингов, демонстраций, лоббирование принятия определенных законов через членов своих партий в законодательных органах и т. д.

Политическая партия как любая социальная система имеет «петлю обратной связи», благодаря которой она проверяет правильность своих политических решений и действий, сверяет тактику и стратегию с желаниями своих членов, интересами своего электората.

Политическая партия, как социальная система, имеет достаточно большое количество подсистем и блоков, каждый из которых имеет специфические, отчетливо выраженные функции. Эти подсистемы находятся друг с другом в сложных отношениях, которые могут меняться в зависимости от социально-экономической и политической ситуации. Для каждой из подсистем характерно иерархическое строение, которое проявляется как внутри системы, так в связях подсистем друг с другом и со средой. Уникальность, неповторимость политической партии как системе придает порядок, установленный законодательством и лежащий в основе структурированного пространства. Важнейшими среди подсистем и блоков политической партии являются следующие:

теоретический блок, который занимается разработкой теоретических концепций и программ;

идеологический блок, основная задача которого состоит в подготовке идеологических акций и деятельности партии, организации идеологических мероприятий;

организационный блок, который занят подготовкой основных организационных мероприятий, созданием первичных партийных структур, работой с электоратом;

коммуникативный блок, основная задача которого заключается в создании связей между руководством партии и ее членами, ее электоратом, другими политическими структурами и организациями, в целом – с окружающей средой;

представительный блок, который занимается подготовкой, рекрутированием, обучением депутатов представительных органов различных уровней;

управляющий блок, основная задача которого заключается в обеспечении нормального функционирования политической партии как социальной системы;

имиджевый блок, который служит для создания благоприятного имиджа политической партии.

Можно назвать и другие блоки и подсистемы, которые принимают активное участие в деятельности партии как единой социальной системы.

При анализе политических партий важно найти слабые места, обратив особое внимание на системообразующие элементы как основу партий.

Суммируя вышеперечисленные подходы, можно сделать вывод, что основными конституирующими признаками современной политической партии являются следующие:

определенная идеология, система общих взглядов, ценностей и норм;

нацеленность на завоевание и осуществление политической власти;

выражение, представление и отстаивание политических интересов определенных социальных классов, слоев и групп современного общества;

наличие определенной программы деятельности, отражающей и формирующей мировоззренческие установки членов партии;

стремление к оказанию прямого влияния на политическую жизнь;

наличие формализованной организационной структуры и членства (субординация органов, партийный аппарат и т. п.);

особая и важная роль в подготовке избирательной кампании кандидатов, проведении выборов;

специфическое положение в государстве, в том числе связь с элементами государственного механизма, участие в формировании и функционировании правительственных механизмов;

наличие особого политического и социального статуса;

особый правовой режим, т. е. специфическое конституционно-правовое положение партии и общенормативное регулирование их деятельности;

устойчивая связь с определенным классом, социальным слоем, группой или их совокупностью, т. е. наличие определенной социальной базы;

организованное объединение людей, достаточно длительное, устойчивое и добровольное.

Из главной цели политических партий – борьбы за политическую власть – вытекают и основные задачи политических партий:

создание программы, формирование идеологии партии;

формирование общественного мнения для идеологической поддержки партии;

борьба за участие в осуществлении от самого верхнего уровня до местного самоуправления, определение форм, средств, методов этой борьбы;

взаимодействие партии с государственными и общественными организациями и движениями;

подготовка и проведение избирательных кампаний в высшие и местные органы власти, выдвижение в них своих кадров, организация контроля над их деятельностью [10; 45; 93; 102; 105; 125; 161].

Современная политическая наука накопила достаточно большое количество дефиниций политической партии. Одним из первых определение политической партии предложил английский политический деятель и философ XVIII в., один из основателей идеологии консерватизма *Эдмунд Бёрк*. «Партия, – писал он, – представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса, руководствуясь некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию» [608, с. 430]. Четвертый президент США, один из ключевых авторов Конституции США *Джеймс Мэдисон* под политическими партиями понимал «некое число граждан – независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, – которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества» [195, с. 79].

Известный немецкий ученый *Макс Вебер* («*Политика как призвание и профессия*») считал партии общественными организациями, опирающимися на добровольный прием членов, которые ставят цель завоевать власть для своего руководства и обеспечить активным членам условия (духовные и материальные) для получения определенных материальных выгод или личных привилегий либо для того и другого одновременно. Он рассматривал партии как организации, возникающие на добровольной основе для свободной вербовки голосов в конкуренции с другими партиями и преследующие цель выбора своих представителей на политические посты [26, с. 644–646]. Вебер определял «самые современные формы партийной организации» как «детище демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины» [26, с. 674].

По мнению классика советской и российской политологии *Андрея Дегтярева*, «партия (от лат. *partire* – разделять) – это официально институционализированная и функционально специализированная организация по борьбе за «контроль над механизмом государственной власти и управлением» [45].

Известный российский исследователь *Юрий Коргунок* в работе «*Современная российская многопартийность*» дает следующее достаточно абстрактное определение полити-

ческой партии: «это добровольная общественная организация, борющаяся политическими средствами за претворение в жизнь органами государственной власти определенного проекта развития общества» [90, с. 4].

Применяя для анализа политических партий тот или иной методологический подход, каждый из которых построен на определенном комплексе наиболее значимых характеристик, качеств и параметров, исследователи в рамках избранного признакового пространства в своих определениях выделяют наиболее характерные, знаковые особенности. Однако данные политические объекты настолько сложны и многомерны, что для каждого из них можно выделить различные характерные устойчивые признаки. Определить, какой из методологических подходов наиболее полно раскрывает сущность дефиниции «политическая партия», можно только подвергнув научному анализу существующие определения, являющиеся прямым результатом применения того или иного научного метода.

Политические партии создаются для того, чтобы группа людей, выражая интересы своих сторонников, эффективно боролась за политическую власть. Известный российский политик *Лев Троцкий* утверждал: «Никакая партия ничего не стоит, если она не имеет целью захват власти» [цит. по: 547]. *Зигмунд Нейманн* утверждал, что политическая партия – это «особая организация активных политических агентов, стремящаяся к контролю над государственной властью и состязаящаяся с группой или группами, придерживающимися других взглядов» [692, с. 396]. Известный немецкий исследователь *Штиллих* писал: «Политическая партия – это организация людей, которые на основе определенной концепции мира, государства, общества, экономики, права и культуры занимаются делами крупных публичных властных структур с целью получить в них власть и проводить свои принципы» [цит. по: 67, с. 168]. *Кеннет Джанда* также в своих определениях особое внимание обратил на функции борьбы за овладение властными ресурсами, завоевание и осуществление (или участие в осуществлении) политической власти. Властный признак позволяет выразить саму сущность политической партии и ее отличие от иных видов общественных объединений неполитического характера [276]. Как показывает политическая практика, большинство исследователей считают именно его главным, системообразующим. Это неоднократно подчеркивал в своих работах и известный современный французский социолог и политолог *М. Дюверже*, определявший политические партии как «организации, которые отличаются стремлением самостоятельно осуществлять политическую власть или при менее благоприятных условиях иметь своих представителей в высших государственных органах» [53, с. 1–2].

Т. Бекназар-Юзбашев в работе «*Партии в буржуазных политико-правовых учениях*» особо подчеркивал постоянное стремление буржуазных политических партий к вмешательству во все государственные и общественно-политические дела. Исследователь подчеркивал, что современные партии являются фактором «влияния на принятие государственно-политических решений для поддержания классового господства буржуазии как в экономическом, так и в политическом, идеологическом и прочих отношениях» [10, с. 141–142]. *Лидия Кармазина* предлагает следующее определение: «*Политическая партия* – добровольная, самоуправляющаяся общественная организация, ставящая своей целью формирование и выражение политической воли объединенных ею на основе общих взглядов граждан, а также реализацию этой воли посредством участия в политической жизни, и прежде всего путем достижения политической власти на определенный срок» [331, с. 53].

Классик социологии *Макс Вебер* в своем известном исследовании «*Политика как призвание и профессия*» понимал под партией инструмент борьбы личностей за власть и влияние в обществе: «Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя – суть необходимые жизненные элементы любой партии» [245, с. 651].

В. И. Ленин одним из первых заявил о политической партии пролетариата и о диктатуре партии. «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: “Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата”» [433, с. 134]. В системе диктатуры пролетариата В. И. Ленин руководящую роль отводил партии. Особое внимание в теоретических разработках уделялось внутренней политике. Ленин предлагал особое внимание уделить политическому строю, укрепить партию пролетариата как единственную партию, просмотреть и усовершенствовать принципы работы как государственного, так и партийного аппарата [431, с. 343]. Он отмечал: «В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на определенной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий» [435, с. 137]. В 1920 г. В. И. Ленин, провозглашая идею главенствующей роли политической партии, заявил, что «вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом» [434, с. 402–403].

Достаточно интересный анализ сущности и определение политической партии дает известный французский исследователь *Роже Жерар Шварценберг*. Автор называет следующие признаки (критерии) партии: долговременность действия; полномасштабность организации; стремление к осуществлению власти (цель партии – овладение властью или участие в ее осуществлении); поиск народной поддержки, особенно путем выборов. Партия основывается на идее общей солидарности – отстаивает ту или иную идею глобального общества. В итоге ученый предлагает следующее определение: «Политическая партия – это непрерывно действующая организация, существующая как на национальном, так и на местном уровне, нацеленная на получение и отправление власти и стремящаяся с этой целью к народной поддержке» [205, ч. 1, с. 107]. Своеобразное определение политической партии дал известный социолог и борец с бюрократией *Макс Вебер*, считавший, что «партиями должны именоваться основанные на (формально) свободной агитации объединения, имеющие целью получение власти для своих руководителей внутри сообщества, а для их активных членов – предоставление посредством этого (духовных и материальных) шансов в реализации своих предметных целей или достижении личных выгод» [26, с. 51].

Многие ученые, изучавшие деятельность политических партий, в своих определениях опирались, прежде всего, на формальные характеристики. Среди дефиниций этого направления наиболее часто встречаются определения, данные с позиции *функционального подхода*, раскрывающего предмет исследования через его функции, т. е. наиболее характерные, постоянно воспроизводимые, целенаправленные социальные действия, или, точнее говоря, через основные виды деятельности политических партий. Используя этот подход, еще в 1906 г. определение партии попытался дать известный российский революционер *Юлий Осипович Мартов*. В известной работе «*Политические партии в России*» он писал, что это «союз людей единомыслящих, ставящих себе одни и те же цели и сговорившихся соединить свои силы для согласованной деятельности в государственной жизни» [124, с. 1]. По его мнению, политические партии создаются для оказания влияния на жизнь государства в условиях, когда «граждане получают возможность открыто заниматься политической деятельностью, принимать участие в ведении государственных дел» [там же]. В этой работе содержится развернутый анализ истории большинства политических партий – от консервативных до социал-демократических. Ю. Мартов писал, что все партии России «обращаются к народу, все они говорят о том, что стараются улучшить русскую жизнь и обеспечить благо государства», но на самом деле это далеко не так, и поэтому «каждый гражданин должен

понять, чьи интересы защищает каждая партия, и примкнуть к той, которая вернее и полнее защищает интересы, близкие ему самому. Только тогда не будет он игрушкой в руках своих собственных врагов». В целях объективности автор использует сопоставление партийных документов, прежде всего программных заявлений партий, справедливо замечая, что «о партиях надо судить не по их программам, а по их действиям» [124, с. 2].

Сторонником строго функционального определения политической партии является и известный исследователь, классик социологии политических партий *Питер Меркл*. В работе «*Современная сравнительная политическая наука*» он пишет, что «партия есть вид политического образования, которое рекрутирует и социализирует новых членов, избирает лидеров через внутренние процессы представительства и выборов, разрешает внутренние споры и принимает решения о политике в отношении внешнего мира» [687, с. 265–266]. Политолог из Пенсильванского университета *Бернард Хеннесси* определял политические партии как социальные организации, которые «пытаются оказать влияние на подбор соответствующего состава правительства и овладение им, а также влияние на политику правительства в соответствии с некоторыми общими принципами или склонностями, по поводу которых согласно большинство их членов» [644].

Американский профессор политологии и социологии *Рой Макридис* считал, что партия – это «ассоциация, мобилизующая и активизирующая людей, представляющая их интересы, вырабатывающая компромиссный подход среди различных точек зрения и выступающая в качестве основы для политических лидеров, осуществляющих руководство и управление страной» [цит. по: 701, с. 9]. Недавно умерший почетный профессор политических наук университета штата Мичиган и бывший мэр американского городка Анн-Арбор *Самуэль Элдерсвельд* в работах «*Сравнительный анализ политических партий и партийных элит*» и «*Политические элиты в современных обществах*» утверждал, что политические партии при демократии являются группами, которые соревнуются за политическую власть путем борьбы на выборах, мобилизации социальных интересов и защиты идеологических позиций, связывая таким образом граждан с политической системой [632; 633]. Американский исследователь *Уильям Кротти* рассматривал партию как формально организованную группу, выполняющую «функции политического обучения публики, рекрутирования и продвижения индивидов по служебной лестнице, а также функции установления широких связей между массами и законодателем» [623, с. 294].

По мнению *Оксаны Петровой*, политическая партия – это основанная на индивидуальном членстве общественная организация, созданная в целях осуществления политической деятельности для представления интересов ее членов в органах государственной власти и органах местного самоуправления [148, с. 35].

Первый заместитель председателя политсовета ПРП *Н. Н. Смоленский* считает, что «политическая партия может быть определена как институт вовлечения членов общества в осознанный и конструктивный процесс участия их в управлении этим обществом, а значит, в определении вектора его развития».

Из приведенного определения политической партии следует, что создаются они для того, чтобы «“превращать” членов общества из пассивных наблюдателей общественных процессов в активных участников этих процессов; эффективно использовать потенциал членов общества в определении направления его развития и в достижении целей сего развития» [543].

Достаточно большое количество ученых давно и активно использует сложившиеся традиционные дефиниции партии, в которых основной акцент делается на связь политических партий с *избирательным процессом*. Политическая партия рассматривается ими как добровольная ассоциация избирателей, стремящаяся контролировать правительство путем завоевания победы на выборах и овладения властью. Сторонником данного подхода был

Кей Лоусон, который утверждал, что «политическая партия – это организация индивидов, которая стремится путем выборов или помимо выборов продлить полномочия народа или его части, чтобы осуществить политическое господство над данным учреждением» [674, с. 2]. Роберт Хакиорн в работе «*Политические партии в Америке*» определял политическую партию как «автономную группу граждан, имеющую целью выдвинуть своих кандидатов и бороться на выборах в надежде добиться контроля над правительственной властью путем завоевания должностей в государственных учреждениях и организации правительства» [647, с. 13]. Энтони Даунс писал: «Политические партии формулируют свои программы для того, чтобы победить на выборах, а не побеждают на выборах для того, чтобы формулировать свои программы» [628, с. 36].

Своеобразный комбинированный подход предлагает известный российский исследователь Александр Кулик. В своей работе «*Посттоталитарные партии в политическом процессе: методология исследования*» он дает следующее определение политической партии: «...общественная организация, которая открыто ставит своей целью установление (или удержание) контроля (чаще всего в коалиции) над ключевыми позициями в структурах государственной власти и управления через соревнование с другими партиями в электоральном процессе» [416, № 2, с. 35].

Следующая группа функциональных определений политической партии связана с реализацией ими функций представительства, участия в борьбе за власть и ее осуществление. Именно такая их трактовка содержится в одном из первых политологических произведений, посвященных партиям, – работе Джеймса Брайса «*Американская республика*»: «Всякая группа избирателей, назначающая своего собственного кандидата на должности президента и вице-президента Соединенных Штатов, считается национальной партией» [23, с. 126].

Достаточно часто выдвижение кандидатов в законодательный орган объявляется важнейшей задачей каждой партии. Так, Фред Риггс утверждал, что все партии должны выдвигать кандидатов на места в законодательных органах, или они не являются партиями [708]. Видный специалист в области социологии политических партий Джованни Сартори дал следующее определение партии: «Партией является всякая политическая группа, имеющая официальное название, участвующая в выборах и способная путем участия в выборах (свободных или несвободных) замещать государственные должности своими кандидатами» [716, с. 63]. Джозеф Лапаломбара и Джеймс Андерсон в известной работе «*Энциклопедия управления и политики*» отмечали: «Партия есть любая политическая группа, связанная с овладением официальным статусом и формальной организацией, увязывающая центр с периферией и способная провести через выборы (свободные или несвободные) кандидатов в государственные органы» [671, с. 394]. С. Вэсби писал, что партия есть «добровольная ассоциация избирателей, стремящихся контролировать правительство путем завоевания победы на выборах и завладения в результате этого официальными учреждениями» [цит. по: 125, с. 25]. С данным положением полностью согласен Кеннен Джанда, утверждающий, что политическая партия – это «общественная организация, которая ставит целью продвижение своих официально признанных представителей на посты в структурах государственной власти» [655, с. 5]. Отметим определение партии Э. Даунса: «...партия – это команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» [628, с. 36]. В данном случае выделены не идеи, не роль в общем процессе общественного воспроизводства, а функциональное стремление политической партии к обретению политической власти и способ ее легитимного завоевания.

Важным системообразующим фактором современных политических партий является действие на постоянной основе, наличие формализованной организованной структуры. Этот признак отличает политические партии от временных и узких по своим целям и составу

общественных объединений. Поэтому достаточно распространены дефиниции политических партий, данные с позиции *структурного подхода*, который особое внимание уделяет элементам, составляющим основу изучаемого объекта. Одно из достаточно популярных определений данного методологического направления отличает политические партии от других политических объектов по наличию у них формальной и неформальной структуры, которая, как правило, ограничивается системой норм, определенной процедурой принятия решений и функциями, предопределяющими в общем плане характер структуры.

Довольно типичными для этого направления являются определения, в которых партия рассматривается как «объединение людей, имеющих свою особую структуру», как «относительно прочное, длительно существующее социальное формирование, стремящееся к овладению учреждениями государственной власти и имеющее такую структуру своей внутренней организации, которая соединяет партийных лидеров в центрах управления с их сторонниками на политической арене». Достаточно близко к представлениям о политической партии с точки зрения ее структуры примыкает определение партии, данное *Джозефом Лапаломбарой* и *Майроном Вайнером*. Эти ученые предложили выделять и рассматривать прежде всего такие критерии политической партии, как «непрерывность организации во времени», установившаяся структура партии с регулярной связью между местными и общенациональными органами, «сознательная решимость партийных функционеров как на общенациональном, так и на местном уровнях захватить и удержать власть, принимать решения единолично либо в коалиции с другими функционерами, а не просто влиять на осуществление власти», «забота» со стороны организации о своих сторонниках и последователях, принятие мер для обеспечения широкой «народной поддержки» [673, с. 424–428]. Институциональное определение политической партии как организации, действующей в системе государства, неоднократно предлагал и *Морис Дюверже* [53].

Особый интерес представляют и попытки определить политическую партию с позиции *структурно – функционального подхода*. Рассматривая политическую партию одновременно с точки зрения ее внутреннего строения и выполняемых ею функций, исследователи вывели признаковое пространство за рамки простой совокупности критериев структурного и функционального подходов, включив в него такие важные моменты, как социальная устойчивость, взаимосвязь с органами государственной власти, мотивация политической деятельности, хотя ни одно из определений не охватывает полностью все особенности политических партий. Так, *Зигмунд Нейманн* утверждал, что политическая партия – это «уставная организация активных агентов, которые связаны с контролем правительственной власти и которые соревнуются за народную поддержку с другой группой или группами, придерживающимися отличных взглядов; как таковая она есть великий посредник, который связывает социальные силы и идеологию с официальными правительственными институтами» [692, с. 396]. Достаточно близкой структурно-функциональному подходу является и дефиниция известного российского исследователя *Юрия Гамбарова*, которую он предложил в работе «*Политические партии в их прошлом и настоящем*». Политические партии – «свободные общественные группы, образующиеся внутри правового государства для совместного действия на почве общих всем объединяемым индивидам интересов и идей» [37, с. 3].

Определения политических партий, данные с позиций структурного, функционального и структурно-функционального подходов, достаточно хорошо описывают их основные характеристики. Однако все они не избавлены от большого количества недостатков. Данный методологический подход предлагает проанализировать комплекс изучаемых объектов и выделить в качестве основных признаки, присущие подавляющему большинству из них. Это приводит к тому, что, во-первых, некоторые (выделяемые в качестве определяющих, системообразующих) характеристики могут быть присущи и другим объектам, имеющим совершенно иную природу; во-вторых, наоборот, объекты, имеющие одну и ту же природу,

что и изучаемые, могут быть исключены исследователями из-за несоответствия некоторых формальных признаков с аналогичными характеристиками основной массы изучаемых объектов; в-третьих, среди отмечаемых учеными свойств могут быть выделены такие, которые по существу не являются характерными, а представляют собой некоторую реакцию на определенные воздействия внешней среды. Последние могут проявляться у политических партий на ограниченном пространственно-временном промежутке, но лишь до тех пор, пока существует данный внешний раздражитель. В комплексе эти недостатки приводят к тому, что ни одна из дефиниций, данных с позиций структурного, функционального и структурно-функционального подходов, не определяет политическую партию достаточно четко, так, чтобы ее можно было бы сразу отличить от других политических организаций и общественно-политических движений.

Подобные проблемы попытались ликвидировать исследователи, рассматривавшие политические партии как специфический элемент общественной жизни, неразрывно связанный с окружающей средой, другими социальными структурами и адекватно реагирующий на их политические действия. Из определений данного направления следует особо выделить дефиниции, данные с помощью *социально-исторического* и *бихевиористского* подходов. Известный исследователь *Самуэль Элдерсвельд*, изучая причины, подталкивающие людей к политической деятельности, в своей книге *«Политическая партия. Бихевиористский анализ»* особо подчеркнул, что политическая партия – это «структурная система, стремящаяся перевести или обратить социальные и экономические интересы непосредственно в политическую власть. Она состоит из социально-экономических интересов, ищущих политического признания, выражения и контроля» [631, с. 6]. В данном случае ученый обратил особое внимание на важную функцию политических партий как средства саморегуляции общественной жизни, хотя и ограничил этот аспект взаимодействием социально-экономической и политической сфер жизни современного общества. В то же время следует особо отметить, что и бихевиоризм не смог дать четкие и конкретные ответы на множество вопросов. Например, почему политические партии как средство выражения политических интересов появились на определенном этапе развития общества, что заставляет обратить особое внимание на дефиниции партий, разработанные с позиции социально-исторического подхода.

Одной из самых распространенных разновидностей социально-исторического подхода стал разработанный теоретиками марксизма *классовый метод*. Еще в 1912 г. В. И. Ленин отмечал: для социалистов главная задача в избирательной кампании в IV Государственную думу состоит в том, чтобы разъяснить народу, какие «жизненные интересы руководят той или иной партией, какие классы общества прячутся за той или иной вывеской» [430, с. 21]. В определениях, использующих классовый метод, можно встретить следующие понятия – штаб революции, передовой отряд пролетариата, ведущая сила народных масс и т. д. Свое определение политической партии, правда, только большевистской, с классовых позиций неоднократно предлагал *И. В. Сталин*. В 1921 г. он дал четкое и лаконичное определение: партия – это «орден меченосцев» [цит. по: 158, с. 6]. В 1924–1926 гг. это определение стало более развернутым, четким и законченным: политическая партия – передовой отряд рабочего класса, его же организованный отряд, высшая форма классовой организации пролетариата, орудие диктатуры пролетариата, единство воли, несовместимое с существованием фракций, она укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов [553, с. 31–60; 554, с. 170–186]. В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. содержится норма: партия представляет собой ядро политической системы, существующей в советском обществе.

Марксистский метод предполагает, что в определении сущности политических партий важнейшее значение имеет классовый подход. Марксисты утверждают: причины разделения общества на бедных и богатых лежат в экономической сфере и именно в ней формируются коллективные интересы общественных классов, которые затем находят свое

выражение в политической борьбе; любая политическая партия должна иметь определенную социальную базу и выражать интересы определенных классов, слоев и групп. То есть партия – это часть класса, его авангард, выражающий интересы класса. При этом в марксистской традиции можно выделить две концепции политической партии, общим для которых является отнесение возникновения партии пролетариата к этапу его превращения из «класса в себе» в «класс для себя»:

а) концепцию Маркса и Энгельса, согласно которой партия есть форма общественно-политического существования пролетариата как целостности на высшей стадии его развития;

б) ленинскую концепцию партии как пролетарского авангарда со следующими чертами: программной ориентацией на политическую революцию и установление диктатуры пролетариата, авангардностью партии по отношению к другим пролетарским организациям.

В. И. Ленин в работе *«Задачи революционной молодежи»* подчеркивал: «...классовое деление является самым глубоким основанием политической группировки; оно в последнем счете всегда определяет эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот “последний счет” подводится лишь политической борьбой, иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время» [426, с. 343]. Основные взгляды В. И. Ленина на партию изложены им в работе *«Насущные задачи нашего движения»*, здесь в качестве главной выдвигалась задача создания марксистской партии в России [429]. В статье *«С чего начать»* Ленин изложил конкретный план создания марксистской партии [436]. В книге *«Что делать?»* он, творчески подойдя к учению Маркса и Энгельса, разработал учение о партии нового типа. «Без революционной теории не может быть и революционного движения, – писал В. И. Ленин. – Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» [438, с. 24–25].

Известный современный российский исследователь Алексей Автономов определяет политическую партию как общественное объединение, отстаивающее и претворяющее в жизнь интересы представляемого им класса или социальной группы путем борьбы за государственную власть, осуществления ее, участия в ее осуществлении или оказания максимально возможного в конкретных условиях воздействия на ее осуществление, находясь в оппозиции в составе государственного органа или вне его [1, с. 221]. Исследователь политических партий Моисей Острогорский в знаменитой работе *«Демократия и политические партии»* дал следующее определение: «Партия является частной группировкой, ее основой является взаимное согласие относительно определенного принципа, и ее целью является осуществление одного или многих объектов общественного интереса» [139, с. 565]. Достаточно интересное определение дают Михаил Марченко и Мидхат Фарукишин в книге *«Буржуазные политические партии»*: «партия – это политическая и идеологическая организация определенного класса или социальной группы, которая представляет и защищает интересы этого класса или группы» [125, с. 24].

Важен и интересен идеологический подход к определению сущности политических партий. Многие современные исследователи утверждают, что политическая партия объединяет в своих рядах людей с одинаковыми политическими взглядами, едиными политическими, экономическими, социальными, культурными и иными интересами [100–102; 106; 108]. Однако понимание политических партий как идеологических объединений было сформулировано еще в 1816 г. известным французским писателем и публицистом, политическим деятелем де Ребеком Бенжаменом Анри Констаном: «Партия есть общность лиц, публично исповедующих одну и ту же политическую доктрину» [цит. по: 53, с. 17]. Известный рус-

ский исследователь *Ю. Гамбаров* в работе «*Политические партии в их прошлом и настоящем*» определял политическую партию в духе своего времени: «Политическая партия – есть свободная общественная группа, обращающаяся внутри правового государства для совместного политического действия на почве общих всем объединенным индивидам интересов и идей» [37, с. 3]. *Ю. Гамбаров* также указывал на то, что партия – лишь часть целого и одной единственной партии просто не может быть: «Политическая партия есть общественная группа. Это значит, что она не представляет собой целого народа или общества и есть, как это показывает и этимология слова в языках латинского корня, только часть народа или общества. Поэтому одной партии, партии в единственном числе, не может никогда существовать» [там же]. Примерно такое же определение политической партии (в духе своего времени) дал и другой русский исследователь *П. А. Берлин*: «Свободная организация массы для достижения определенной социальной или политической цели с помощью политической деятельности – таково, как нам кажется, должно быть определение политической партии» [14, с. 9].

Немецкий исследователь *В. Хасбах* рассматривал партию как «союз людей с одинаковыми политическими взглядами и целями, стремящихся к завоеванию политической власти с целью использования ее для реализации собственных интересов» [642]. Испанский политолог *Л. Санистебан* отмечал идеологический характер политических партий, утверждая, что «партии – это стабильные иерархические организации, состоящие из обладающих одинаковыми убеждениями лиц, которые совместно работают над достижением своих целей, имеющих идеальный (модель общества) или материальный характер» [176, с. 70]. Президент Международной ассоциации политических наук, профессор Института политической науки в Университете Гейдель-Берга *Клаус фон Бейме* понимал под партией «группу единомышленников, которые действуют сообща для достижения общих политических целей» [607, с. 343]. Известный французский политолог *Жан-Луи Кермонн* считает, что «партия есть организованная сила, объединяющая граждан одной политической тенденции для мобилизации мнения по определенному количеству целей и для участия в органах власти либо для ориентирования власти на достижение своих требований» [696, с. 204]. В то же время классик социологии политических партий *Морис Дюверже* явно не разделяет эти подходы и в своей работе «*Политические партии*» подвергает их резкой критике [53].

Для современных социологической, политической и юридической наук представляет определенный интерес *юридическое* определение политических партий, так как они представляют важнейший элемент современной политической системы, тесно взаимосвязанный с государственными и правовыми институтами. Юридическое определение политической партии не тождественно политологическому или социологическому, но существенно дополняет его по многим аспектам.

Определение партии, по мнению известного российского исследователя *В. Е. Чиркина*, содержится не во всех законах о партиях, а имеющиеся определения неполны и не во всем совпадают. В целом в законодательстве предусматриваются следующие существенные признаки политической партии: 1) свободно создаваемая автономная организация, действующая на началах самоуправления; 2) устойчивая организация, объединяющая граждан на постоянной основе (разумеется, с правом выхода); 3) объединение в партию осуществляется, прежде всего, на основе идеологических факторов – общности убеждений и целей ее членов, что выражается в ее программных положениях; 4) партия не преследует целей извлечения прибыли, хотя ее отдельные подразделения могут заниматься производственной деятельностью для удовлетворения потребностей партии; 5) партии содействуют формированию и выражению политической воли народа, используя мирные и конституционные средства, в частности участие в выборах; 6) партия – это организация, построенная и действующая на демократических принципах и на основе гласности, публичности, открытости.

Обобщив эти признаки, можно сказать, что с юридической точки зрения политическая партия – это добровольная устойчивая самоуправляющаяся организация определенной группировки общества, созданная на основе общности убеждений и целей ее членов, действующая на основе принципов демократии и гласности, имеющая своей главной задачей не извлечение прибыли или удовлетворение профессиональных, культурных и иных запросов своих членов, а участие в формировании и выражении политической воли народа в борьбе за государственную власть мирными, конституционными средствами. Бывают, конечно, и такие партии, которые выдвигают цели насильственного свержения конституционного строя, применяют террористические методы для достижения своих целей, требуют установления диктатуры определенного социального слоя. Это отклонение от того понятия партии, которое сложилось в наше время на базе общегуманистических принципов [213, с. 104–105].

Казахстанская исследовательница *Т. Топорина* дала следующее юридическое определение политической партии: «Партия – это специфическая общественная, но обладающая правовым статусом в государстве политическая организация, представляющая собой группировку людей, объединенных общностью политических взглядов, как правило, формально зафиксированных в программных документах, которая, опираясь на определенную идеологию и представляя определенные социальные интересы, стремится активно участвовать в общественно-политической и государственной жизни, преследует цель завоевания и осуществления власти в государстве, реализуя, таким образом, интересы и цели соответствующей общественной группы, социального слоя» [190, с. 34].

Краткое, но достаточно емкое и удачное юридическое определение политической партии сформулировал известный политолог и юрист *Юрий Юдин*. Он понимал под партией «общественное объединение, которое создано для участия в политическом процессе с целью завоевания и осуществления государственной власти конституционными средствами, действует на постоянной основе и имеет политическую программу». «Партии, – писал Юдин, – по своему происхождению, сфере своей деятельности, функциональному предназначению представляют собой в большей мере общественно-политическую, нежели государственно-правовую категорию, поэтому, очевидно, отсутствует в современном законодательстве единое общепризнанное определение “политической партии”» [216, с. 50].

Есть и достаточно специфические определения политических партий. Известный немецкий социолог *Вальтер Зильцбах* писал: «Какая-то группа людей получает характер партии только в том случае, если она состоит в отношениях с одной или несколькими оппозиционными партиями и вследствие взаимосвязи обеих сторон возникает более крупная, охватывающая их общность» [67, с. 170].

Главная задача политических партий – это завоевание политической власти для реализации своих программных целей. Партийная программа является одной из основных квалификационных признаков политической партии и обязательных элементов юридического определения политической партии. Ведь политическая партия – это организация, объединяющая людей, имеющих примерно одинаковые политические взгляды, признающих одни и те же системы политических идей, идеалов и ценностей, выраженных в особом политическом документе – *программе*. Наличие программы, основополагающего партийного документа, определяющего все действия партии, – важнейшая черта современных политических партий. В программе, как правило, декларируются основные стратегические цели партий и способы их достижения, излагаются вопросы стратегии и тактики партийной деятельности, отношений с возможными союзниками, указываются важнейшие политические, экономические, социальные, международные приоритеты и ориентиры, а также предполагаемые конкретные шаги в указанных сферах, когда партия придет к власти. Иначе говоря, программа – это «лицо» политической партии. Обязательное наличие политической программы зафиксировано в законодательствах развивающихся стран (Ангола, Бенин, Бразилия, Габон, Еги-

пет, Конго, Эфиопия). В законе о политических партиях Бразилии отмечено, что устав и программа являются главными документами для образования политических партий. Представление программы в качестве основного документа для регистрации политических партий является обязательным в Анголе, Кабо-Верде, Мозамбике, Эфиопии и Беларуси.

Среди официальных определений политических партий можно выделить следующие:

– Республика Беларусь: политической партией является независимое, образованное на основе индивидуального добровольного членства объединение граждан, действующее в рамках Конституции и законов Республики Беларусь, содействующее выявлению и выражению политической воли граждан и участвующее в выборах.

– Российская Федерация: политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

– Украина: политическая партия – это зарегистрированное в соответствии с законом добровольное объединение граждан – приверженцев определенной общенациональной программы общественного развития, которое ставит своей целью содействие формированию и выражению политической воли граждан, принимает участие в выборах и других политических мероприятиях.

– Польша: политическая партия – общественная организация, выступающая под определенным названием, имеющая целью участие в общественной жизни, в частности посредством оказания влияния на определение политики государства и осуществление власти.

– ФРГ: партии представляют собой объединения граждан, которые постоянно или длительное время оказывают влияние на формирование политической воли в рамках Федерации или на одной из земель и желают участвовать в представительстве народа в Бундестаге или одном из ландтагов при условии, что они в достаточной мере гарантируют серьезность таких намерений общим характером их фактического отношения к делу и, в частности, численностью и постоянством организации, числом членов и активной общественной деятельностью.

– Республика Узбекистан: политической партией является добровольное объединение граждан Республики Узбекистан, образованное на основе общности взглядов, интересов и целей, стремящееся к осуществлению политической воли определенной части общества в формировании органов государственной власти и принимающее участие через своих представителей в управлении государственными и общественными делами.

– Азербайджан: под политическими партиями подразумеваются объединения граждан Азербайджанской Республики, имеющих общие политические идеи и цели, участвующих в политической жизни страны. Политические партии активно участвуют в формировании политической воли граждан Азербайджанской Республики, исходя из своих задач и целей, соответствующих Конституции и законам Азербайджанской Республики.

– Республика Казахстан: политической партией признается добровольное объединение граждан Республики Казахстан, выражающее политическую волю граждан, различных социальных групп в целях представления их интересов в представительных и исполнительных органах государственной власти, местного самоуправления и участия в их формировании [59].

Существуют комбинированные, интегрирующие, так называемые «широкие» определения политических партий. Одно из первых «широких» определений политической партии дал *Морис Дюверже* в 1972 г.: партии – это организации, которые, во-первых, «стремятся прежде всего к захвату власти или к участию в ее отправлении», во-вторых, опираются на «поддержку широких слоев населения» в отличие от групп давления, «представляющих ограниченное число граждан с особыми или частными интересами» [53].

Известный российский исследователь *Андрей Дегтярев* в работе «*Основы политической теории*» в определенной степени подвел итоги многолетней дискуссии и дал свое интегрированное определение: «Политическая партия – тип негосударственного института, групповое объединение, (1) обладающее формальной, организационной структурой, (2) осуществляющее специализированную функцию борьбы за официальный контроль над властью, (3) объединенное характерной идеологической доктриной, претендующей на выражение общенациональных интересов, (4) наделенное правовым статусом и (5) включенное в избирательный процесс» [45, с. 142].

Российский исследователь *Сергей Посудин*, анализируя многочисленные подходы авторов к дефиниции «политическая партия», предлагает свое обобщающее определение: политическая партия – это группа людей с общими взглядами и убеждениями, объединенных в особую организацию, которая выражает интересы определенной части общества путем осуществления государственной власти, участия в деятельности государственных органов [519].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Политические партии не интегрированы непосредственно в систему политической власти и объединяют своих членов на добровольной основе, которая подразумевает единство преследуемых целей, причем главная из них – завоевание политической власти. Эти цели объявлены официально, и для их достижения используются только, как правило, легитимные политические методы.

- Политические партии выражают политические интересы определенных социальных классов или групп. Таким образом, они должны представлять и защищать интересы не только собственных членов и непосредственно связанных с ними людей, но больших социальных общностей.

- Политические партии – это субъекты политики, которым присущи идеологические подходы, отражающие интересы и желания многих людей. Цели и задачи партии формулируются в программных документах и предвыборных платформах и реализуются в ее политической деятельности. Сочетание программно-мировоззренческого и активно-деятельностного компонентов отличает политическую партию, с одной стороны, от сообществ единомышленников (клубов, кружковых объединений), а с другой – от лоббистских структур, руководствующихся в основном конъюнктурными интересами.

- Интересы, выражаемые партией, должны носить в целом общенациональный, а не узкокорпоративный характер. Это значит, что партия должна иметь четко сформулированную цель, предлагающую конкретный проект развития общества.

- Политические партии должны обладать разветвленной организационной иерархической структурой, между различными частями которой существует четкое разделение полномочий и обязанностей. Партия должна иметь определенное количество членов, сеть региональных организаций и выборные центральные органы.

- Важная задача политических партий – представлять и защищать в представительных органах интересы своих избирателей. Они стремятся к повышению своего политического представительства в органах государственной власти посредством выборов, на участие через своих членов в управлении государством. Способом, обеспечивающим политическое влияние партии, является обращение к поддержке граждан, осуществляемое открыто и на состязательной основе [45; 100–102; 105; 108, 121; 138].

По мнению известного российского исследователя *С. Посудина*, можно выделить несколько основных, исторически сложившихся подходов к пониманию сущности дефиниции «политическая партия», системообразующих, основополагающих характеристик, лежащих в основе партий:

идеология (Б. Констан, Б. Франклин, Дж. Мэдисон, Й. К. Блунчли); партия – это группа людей, объединенных общей идеологией, ценностями и убеждениями, это идейные течения, власть (Ф. Бэкон, Дж. Сартори, А. Кулик, М. Василик, Ж. Бюрдо); партия понимается как объединение, созданное с целью завоевания, осуществления и удержания власти,

общественный класс (К. Маркс, В. Ленин, К. Воробьев); партия – это организация, которая отстаивает интересы определенного класса, социального слоя и включает в себя активистов этого класса,

структура (М. Дюверже, Р. Михельс, М. Вебер); партия понимается как объединение, отличающееся особой внутренней структурой и инфраструктурой,

лидер (А. де Токвиль); партия – группа людей, объединенных вокруг определенного политического лидера,

интерес (Т. Гоббс, Д. Юм, Г. В. Ф. Гегель, Ж. Ж. Руссо, М. Робеспьер); партия рассматривается как группа людей, объединенных общими интересами,

комбинированный подход, господствующий в современной политической социологии.

Комбинированный подход представляет собой синтез вышеперечисленных подходов, однако здесь существует множество различных вариаций определения партии. Вот некоторые из них:

группа людей, объединенных общими интересами, идеологией, созданная с целью завоевания (удержания) и осуществления власти (В. Хасбах, В. Перевалов),

объединение, созданное для выражения интересов определенной части населения в государственных органах путем осуществления государственной власти (Б. Краснов, Федеральный закон Российской Федерации «О политических партиях»),

партия как группа людей, объединенных общей идеологией и стремящихся к осуществлению власти (Ю. Мартов, Г. Еллинек, Н. Колмакова) [519].

На основании вышеизложенного предлагаю собственное определение: *политическая партия* – это общественная, обладающая особым правовым статусом, имеющая строго формализованную структуру, включенная в избирательный процесс, действующая на постоянной основе организация, представляющая собой добровольный союз людей, объединенных общностью политических взглядов, едиными политическими, экономическими, социальными, культурными и иными интересами, зафиксированными в программных документах, союз, который, опираясь на определенную идеологию, претендующую на выражение общенациональных интересов, стремится активно участвовать в общественно-политической жизни, преследует цель завоевания и осуществления политической власти.

В свое время *Уинстон Черчилль* говорил: «Демократия является худшей формой правления, за исключением всех остальных» [цит. по: 20, с. 602]. Действительно, лучше никто не придумал. Точно так же никто не придумал лучшего политического механизма решения многочисленных электоральных проблем, инструмента связи между государством и гражданским обществом, чем политические партии.

Происхождение политических партий

История политических партий насчитывает три-четыре столетия. Однако первые упоминания о них встречаются еще в работах мыслителей древнего мира. В Древней Греции изучением партий как первых группировок и союзов, принимавших активное участие в жизни общества, занимались *Аристотель*, *Геродот* и *Писистрат*. Так, Геродот в своих трудах исследовал противоборство между партией паралиев и партией педиона. Писистрат стал продолжателем Геродота и добавил к паралиям и педионам еще и партию гиперакриев. Аристотель в «*Афинской политике*» выделил партии равнин, партии гор и партии побережья. Он рассматривал партии с географическо-идеологической точки зрения, т. е. он классифицировал партии по географическому месту их появления [4].

В Древнем Риме словом «партия» чаще всего называли группы людей, объединившихся вокруг того или иного лидера. Обычно за этими объединениями не стояло никаких идей, кроме усиления влияния своего руководителя. Причем Аристотель, Плавт, Цицерон, Саллюстий в своих работах отличали «партии» от «амичитиа» – благородного, хорошего союза друзей. Аристотель писал о борьбе между тремя партиями (жителей морского побережья, жителей равнин и жителей гор) в Аттике в VI в. до н. э. и о вражде между Партией знати и Партией народа в Афинах более позднего периода.

Со времен Аристотеля до XVII в. многие политики и исследователи партии называли *факциями*. Данное понятие широко употреблялось в Римской империи для обозначения совокупности лиц, связанных с организацией конных зрелищ. В дальнейшем данное понятие было перенесено на известные с IV в. спортивные организации в византийских городах, занимавшиеся подготовкой и проведением цирковых и спортивных состязаний. У каждой факции были свои «димы» – группы болельщиков. «Димы» поддерживали спортсменов от той или иной факции на спортивных состязаниях. Организацией деятельности «димов» занималось руководство факций. Постепенно факции стали превращаться из спортивных в политические организации городского населения. Особое значение в истории формирования партий имел указ Константина об *acclamations*, дававший право городскому населению во время зрелищ выражать свое одобрение или неодобрение деятельности властей. К концу IV – началу V в. факции приобрели ярко выраженный политический характер.

В древней римской республике наряду с партиями, объединявшимися вокруг конкретной личности, уже существовали политические течения с определенной системой взглядов, которые выражали интересы различных социальных групп римского общества и вели постоянную борьбу друг с другом. Древний римский историк *Тит Ливий* писал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога» [цит. по: 329].

В те далекие времена в основу выделения групп-партий (факций) могло быть положено территориальное деление, объединение вокруг какого-то конкретного политика или любой другой системообразующий признак. Например, в Византии выделяли партии венетов и прасинов. В основу этой классификации было положено разделение ипподромных болельщиков на «синих» и «зеленых». Позже эти цвета стали основой для выделения групп во время мятежей или народных волнений и образования партий. Партия венетов сложилась как партия греко-римской земельной аристократии, партию прасинов возглавляла торгово-ростовщическая верхушка. Прасины имели свою основную опору в богатых торговых городах востока Византийской империи, венеты – в земледельческих областях, малоазиатских и балканских провинциях.

В конфессиональной литературе можно найти сравнение различных религиозных группировок с партиями. В работе старшего пастора Церкви христиан веры евангельской

«Филадельфия» Ижевска Павла Желновакова «Тайна Церкви» отмечено: «В свое время так поступили религиозные вожди с Иисусом, призвав для расправы над Ним светские власти и политические партии. “*Фарисеи, выйдя, немедленно составили с иродианами совещание против Него, как бы погубить Его*” (Марк.3:6). Известно, что иродиане были политической партией своего времени, поддерживающей царя Ирода, идумея по происхождению. В дальнейшем имело место даже призвание римских властей для расправы над Иисусом. “*Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря*” (Иоанн.19:15)» [55].

В Древнем Риме в период кризиса республики (конец II–I в. до н. э.) шла напряженная борьба между партией популяров, выражавшей интересы плебса (в основном сельского) и партией оптиматов. В партию *оптиматов* (от лат. слова *optimus* – наилучший) входили представители римской знати – нобилитета, объединившиеся вокруг аристократа Луция Корнелия Суллы. Оптиматы ориентировались на повышение роли аристократов в политической и экономической жизни Рима, отстаивали прежде всего интересы, права и привилегии сенаторского сословия. Оптиматам противостояли *популяры* (в переводе с латыни – «народные мужи»). Они опирались на римское крестьянство и городской плебс, защищали интересы простого человека, стремились к наделению неимущих крестьян земельными участками и улучшению положения городской свободной бедноты, к общей демократизации государственного строя путем расширения прав народного собрания и народных трибунов. Некоторые даже считали необходимым отменить ростовщичество. Вождем популяров был другой римский государственный деятель и полководец – Гай Марий. Видными популярами были братья Гракхи. В результате упорной межпартийной борьбы с патрициями плебеи, ранее не имевшие никаких прав на пользование общинной землей, добились включения в состав римского народа, уравнивания в правах с патрициями [109].

Прототипами современных политических партий в определенном смысле этого слова можно считать масонские ложи и рыцарские ордена с их четкой структурой, определенными целями и задачами, строжайшей дисциплиной. Так, например, «Бедные рыцари Христа и Соломонова храма» – храмовники, или, как их еще называли, тамплиеры – члены военно-религиозного ордена, основанного в 1118–1119 гг. в Палестине, вступая в эту организацию, давали три обета: целомудрия, бедности и послушания.

Зачатки партий существовали в средние века и в эпоху Возрождения, особенно там, где существовали сильные города-республики с довольно развитыми традициями самоуправления, гражданской ответственности и активности. Население таких городов отличал высокий уровень образованности, культуры, свободомыслия. К их числу относились Венеция, Флоренция, Генуя, Новгород Великий, Псков. Известный русский историк *Василий Осипович Ключевский* в известном труде «*Русская история. Полный курс лекций*» писал, что социальные и политические противоречия вызывали необыкновенный шум и движение в политической жизни города. Ни один из старинных городов Древней Руси не дал такой тревожной истории, как Новгород. С самых ранних пор видим здесь оживленную борьбу политических партий; в разное время характер ее был неодинаков [83].

В Новгороде Великом существовала и сильная антимосковская партия, которую в середине XV в. возглавляла представительница знатного боярского рода *Марфа Борецкая* (Марфа Посадница). Эта партия отстаивала независимость Новгорода от Москвы, сохранение вольностей, традиций, места и роли в экономической и политической жизни стран балтийского региона. Партия Борецких была готова даже пойти на сговор с Великим Княжеством Литовским, чтобы сохранить права и привилегии «Господина Великого Новгорода». В планы партии входило создание в Новгороде православного наместничества, зависимого от Литовского государства, а также брак будущего наместника из числа литовских панов с Марфой Борецкой, которая «хотячи пойти замужь за литовского же пана за королева, да...

мыслячи привести его к себе в Великий Новгород, да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». В 1471 г. Марфа вместе с сыновьями выступила на вече против подчинения Новгорода Ивану III. Сторонники партии Борецкой пришли на площадь и кричали о притеснениях Москвы, о золотой воле под покровительством Казимира Литовского, «камнями заставляли молчать московских приверженцев». Сторонники Марфы подкупили «смердов, шилышков и других безыменных мужиков», которые в нужный момент зазвонили в колокола, крича: «За короля хотим!». Несмотря на то, что среди новгородцев имелись противники Борецкой, ее партия пересилила приверженцев великого князя московского: послы новгородского боярства отправились с дарами к литовскому королю. Узнав об этом, 20 июня 1471 г. Иван III выступил с войском из Москвы. После битвы на реке Шелони антимосковская партия в Новгороде вынуждена была признать свое поражение. В феврале 1488 г. Иван III распорядился захватить Марфу с внуком Василием Федоровичем, отослать их в заточение и «такو конечно укроти Великий Новгород». Марфа была казнена, а ее партия прекратила существование [31; 167].

Сторонники крестового похода против «схизматиков и татар», т. е. против Руси и Золотой Орды, в 1380 г. убедили великого литовского князя Ягайло, отрекшегося от православия и перешедшего в католичество, пойти на помощь армии Мамай. Великое Княжество Литовское в те времена было копьем Запада, направленным против Востока, и очень желало поражения московского войска на Куликовом поле. Однако армия Ягайло опоздала на один день, на один переход к сече на Куликовом поле, и ей осталось только грабить обозы с ранеными воинами Дмитрия Донского, шедшими к Москве [9; 28; 98].

В средневековой Италии в XI–XIV вв. сохранились традиции демократических институтов в управлении городами. Поэтому именно там стали развиваться политические движения, боровшиеся за власть в городах-государствах. Они носили протопартийный характер. Примером могут служить *гвельфы* и *гибеллины*. Гвельфы выражали интересы купечества и ремесленников. Они стремились к утверждению независимости городов-республик от Священной Римской империи и поддерживали Папу Римского в борьбе с императором. Гвельфам противостояли гибеллины, которые находились на стороне императора. Гибеллины — это преимущественно представители феодальной знати, стремившиеся к своеобразной феодальной свободе и независимости и не желавшие делиться с папством плодами эксплуатации как своих крестьян, так и живших в «их» городах мелких торговцев и ремесленников. Они активно выступали против постоянного вмешательства Папы Римского в жизнь Италии и в германском императоре, императоре Священной Римской империи, видели силу, способную дать отпор этому вмешательству. Вот почему гибеллинов обычно называют императорской партией. Однако борьба пап с императорами носила долгий и запутанный характер, потому социальный состав партий постоянно менялся в зависимости от условий и конкретных ситуаций.

Известный русский историк *Тимофей Николаевич Грановский* связывал образование политических партий с политикой Екатерины Медичи, которая создавала «срединою» (между католиками и протестантами) партию из людей, «не имеющих ни верований, ни убеждений» [161, с. 266].

Очень активно шло формирование политических структур в итальянских государствах и в XV–XVI вв. Впервые широко использовать слово «партия» в политическом лексиконе для обозначения подобных группировок стал итальянский мыслитель и дипломат *Никколо Макиавелли*, подробно рассказавший в книге *«История Флоренции»* об особенностях политической борьбы, междоусобицах в итальянском государстве тех лет [117]. В *«Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»* он писал о том, что «частная обида... всегда возбуждает в обществе страх; страх заставляет думать о защите; защита вызывает раздоры; раздоры, в свою очередь, порождают... партии, а партии губят республику» [118, с. 150].

По Н. Макиавелли, партия – это организация, созданная в результате соперничества между людьми с целью защиты интересов одной из соперничающих групп. В своих работах Макиавелли делит партии на частные структуры, основанные на личных связях их членов, и организации, ориентированные на интересы общества. Несмотря на свое отрицательное отношение к политическим партиям, мыслитель внимательно изучал борьбу политических партий, защиту своих интересов представителями различных родовитых семей, противостояние между сторонниками нобилей, популанов и плебса, противостояние партий гвельфов и гиббеллинов. В отличие от своих современников, которые политические процессы сводили до внешнеполитической деятельности государства, он обратил особое внимание прежде всего на внутреннюю политическую борьбу, в основе которой были интересы и противоречия политических партий [117; 118].

По мнению многих исследователей, партии античного мира и средневековья были *клиентами* – временными объединениями для поддержки влиятельных особ [98; 161].

Английский философ *Френсис Бэкон* рассматривал партии как естественные порождения борьбы различных политических группировок за власть. В Париже, где он провел свои молодые годы, было столько различных партий, что всякий человек находил себе единомышленников и не чувствовал себя чужим. И все же, как считает философ, «безрассудные притязания какой-либо из партий» на власть являются «причинами и поводами к мятежам», однако помимо всего прочего партии – это также средство общественного продвижения и возвышения для «людей простого звания» [25, с. 382–383].

В интересном исследовании «*Эссе о гражданской и моральной жизни*» (раздел 51 «О партиях») Ф. Бэкон писал: «Многие ошибочно держатся того мнения, что и государю в управлении страной, и каждому вельможе в ведении дел надо прежде всего принимать во внимание интересы партий; а между тем высшая мудрость велит, напротив, соображаться либо с общими интересами, осуществляя то, с чем согласны представители самых различных партий, либо с интересами отдельных лиц. Этим я не хочу, однако, сказать, что соображениями партийными должно совершенно пренебречь. Людям простого звания, чтобы возвыситься, необходимо за что-то держаться; но людям знатным, чувствующим свою силу, лучше сохранять независимость. И даже начинающему выдвигаться для более верного успеха обычно лучше обнаруживать столь умеренную приверженность, чтобы из всех членов своей партии быть наиболее приемлемым для другой.

Чем партия слабее и малочисленнее, тем больше в ней единства; и часто бывает, что небольшое число непреклонных берет верх над многочисленным, но более умеренным противником. Когда одна из двух партий прекращает свое существование, другая раскалывается. Так, партия, объединявшая Лукулла и сенатскую знать (называвшуюся «*Optimates*»), некоторое время противостояла партии Помпея и Цезаря; но когда власть сената рушилась, произошел и разрыв Цезаря с Помпеем. Подобным же образом партия Антония и Октавиана противостояла некоторое время Бруту и Кассию, но вслед за падением Брута и Кассия последовал разрыв Антония с Октавианом. Эти примеры относятся к партиям, состоящим в открытой войне, но то же самое можно сказать о более частных случаях. И зачастую при расколах те, что были на вторых ролях, оказываются во главе партии, но столь же часто оказываются ничтожествами и бывают отстранены, ибо многие сильны лишь в оппозиции, а когда этого нет, они бесполезны».

«Часто видим мы, – продолжает Бэкон, – что человек, добившись успеха, переходит в партию, враждебную той, коей обязан он своим возвышением, полагая, вероятно, что с первой он свое уже взял, и ища новой выгоды. Такому перебежчику это сходит легко, ибо, когда силы долгое время уравновешены, приобретение даже одного лишнего приверженца дает перевес одной из сторон, а вся заслуга приписывается ему. Если кто держится середины между двумя партиями, это не всегда происходит от умеренности, но нередко от своекоры-

ствия и имеет целью извлечение выгоды из обеих. В Италии, например, считаются подозрительными те папы, у которых постоянно на устах “*Padre commune*”, ибо это служит признаком стремления всеми средствами возвеличить свой род.

Королям не следует держать сторону какой-либо одной партии, потому что всяческие союзы неизменно пагубны для монархии; они налагают обязательства, которые могут обладать над долгом подданного, и король становится при этом “*tanquam unus ex nobis*”, как это было с Лигой во Франции. Чрезмерное усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государей и весьма вредит их славе и успеху их дел. Действия партий под властью монархии должны быть (если говорить языком астрономов) подобны движениям низших орбит, которые могут иметь и собственное движение, но вместе с тем увлекаться высшим движением – “*primum mobile*”» [25, с. 382–383].

Томас Гоббс в своей работе *«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»* показал государство продуктом создания людей. Т. Гоббс сравнивал государство с Левиафаном. Это «библейское чудовище», описанное в библейской книге Иова как грозное морское чудовище, «зверь зверей», обладающее необычайной и страшной силой. Оно может защитить интересы человека и партий. Характеризуя партии, философ писал: «Из подвластных групп некоторые являются политическими, другие – частными. Политическими (иначе называемыми политическими телами и юридическими лицами) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. Частными являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью». Т. Гоббс рассматривал партии как частные группы, т. е. группы, отстаивающие частные интересы. По его мнению, партии должны отказаться от своих частных интересов, так как в противном случае, становясь, по существу, своеобразным государством в государстве, они будут постоянно вызывать угрозу анархии [38, с. 327–328].

Партии, по мнению Т. Гоббса, – это «организованные преступные замыслы», которые вместе с восстаниями и гражданскими войнами составляют «наиболее серьезные и наиболее чреватые опасностями болезни государства». Философ был убежден, что «правительство монарха предпочтительнее правительства собрания». «Допускается, – отмечал Гоббс, – что монарх будет обычно следовать своим личным интересам, когда они сталкиваются с интересами народа, то так же может действовать и собрание. Монарх может иметь фаворитов, но они могут быть и у каждого члена собрания; поэтому общее число фаворитов при монархии, вероятно, должно быть меньше. Монарх может слушать советы от кого-нибудь и секретно, а собрание может слушать только советы от своих собственных членов, и публично. Случайное отсутствие некоторых членов в собрании может быть причиной того, что другая партия получит большинство и, таким образом, произведет изменение политики. Кроме того, если собрание разделится на враждебные партии, результатом может быть гражданская война» [там же]. Борьба партий, непостоянство толпы, влияние демагогов, действующих на страсти людей, – таковы, по мнению Т. Гоббса, невыгоды народного правления.

Великая Французская революция провозгласила фундаментальные ценности – Свобода, Равенство, Братство, которые постепенно утвердились в качестве краеугольных основ западной цивилизации. Со временем в этом ряду свое место уверенно заняла Справедливость. Не могли пройти идеологи революции мимо такого явления, как «партия». Так, например, Луи Антуан Сен-Жюст считал «любую партию как преступную» и «любую фракцию как посягательство на суверенитет», ибо они «нейтрализуют общественное благо». Иногда он писал о фракциях, имея в виду партии. Классических партий в современном понимании слова тогда не было. «Я не принадлежу ни к какой фракции, – говорил Л. А. Сен-Жюст в *«Речи в защиту Робеспьера»*, прозвучавшей на заседании Конвента 9 термидора (27 июля 1794 г.), – я буду бороться с любой из них. Они не исчезнут, пока установле-

ния не создадут гарантии, не положат границ власти и не заставят человеческую гордость навсегда склониться под ярмом общественной свободы». «Если вы хотите, – подчеркивал он, – чтобы фракции исчезли, чтобы никто не захотел возвыситься посреди развалин общественной свободы, следуя принципам Макиавелли, положите конец политическим интригам, сведя все к бесстрастным принципам правосудия; сохраняйте в своих руках высшую власть; заставьте все партии подчиниться непреложным законам. Законам не присущи страсти, которые порождают рознь и притворство. Законы суровы, люди же суровы не всегда: они могут долгое время прикрываться непроницаемой личиной. Если законы защищают невинность, за граница не сможет их извратить; но если невинность становится игрушкой для гнусных интриг, нет больше гарантий в гражданской общине. Тогда придется удалиться в пустыню, чтобы там обрести независимость и друзей среди диких зверей! Тогда придется покинуть этот мир, где нет больше энергии ни для преступления, ни для добродетели, где остались лишь страх и презрение». «Свобода должна победить любой ценой», – заявлял Сен-Жюст [177, с. 39].

Деятель Великой Французской революции, вождь якобинцев и комиссар Конвента *Максимилиан Робеспьер* также видел в партиях «коалицию против всеобщего блага» [см.: 519].

Великий немецкий философ *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* связывал понятие и сущность партий с чисто субъективными убеждениями и частными интересами и рассматривал партии как результат «частных» интриг государства. Он отрицал, что партии способны быть носителями общественно-политического мнения и приравнивал их к власти немногих, частному, случайному интересу, который должен быть полностью нейтрализован. В историческом отношении эта доктрина возникла на основе политического опыта Великой Французской революции, и цель ее заключалась в том, чтобы придать большую конкретность конституционализму [см.: 40].

Известный немецкий писатель и философ, друг Карла Маркса *Арнольд Руге* в период революции 1848–1849 гг. в Германии был избран во Франкфуртское национальное собрание и основал буржуазно-радикальную партию. Под партиями он понимал движущие силы и организационные формы либеральных и демократических идей, которые противостоят консервативному государственному режиму. А. Руге формировал понятие «партия» через противопоставление правительству и рассматривал ее воплощением тенденции к прогрессу, к изменениям и реальным способом избежать революции.

Известный французский историк и социолог *Алексис де Токвиль* появление и развитие политических партий связывал со становлением демократии. «В демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни», – подчеркивал исследователь. Он написал известную работу «*Демократия в Америке*». В этой книге А. де Токвиль рассматривает нравственный облик демократии – привычки души и привычки ума, сравнивая их с нравами, царящими в аристократическом обществе. В работе автор особое внимание обращает на острые противоречия в жизни американского общества, на борьбу классовых и политических сил, которые сопровождают появление и становление демократии как общественного феномена. «В настоящее время свобода создавать политические объединения – необходимая гарантия в борьбе с тиранией и в противостоянии большинству. В Америке члены объединения, составляющие меньшинство, прежде всего хотят знать, сколько их, ибо их первая цель – ослабить моральное воздействие большинства. Вторая цель, которую они ставят перед собой, – это выявить все возможности, которые могут быть использованы, чтобы оказать давление на большинство, так как их конечная цель, на осуществление которой они твердо надеются, – привлечь на свою сторону большинство и таким образом оказаться у власти» [189, с. 158]. Проанализировав противоречия США, проблемы демократии «по американскому образцу», А. де Токвиль увидел «зло» в американских

политических партиях. Он стал относить их к разряду разрушительных страстей. Именно демократическая система XIX в. демонстрировала яркие примеры межипартийной борьбы, борьбы между партиями, элитами и внутри партий и элит [189, с. 513].

Русский христианский философ, писатель и публицист и последовательный критик коммунистической власти в России *Иван Александрович Ильин* активно разрабатывал теорию политических партий и партийных идеологий. Причем взгляды его существенного менялись с течением времени.

В брошюре «*Что такое политическая партия*» в 1906 г. И. А. Ильин писал: «Политическая партия – это союз людей, которые соединились для того, чтобы добиться нужных им всем законов. Политические партии, или, как их называют просто, партии, образуются обыкновенно не ради одного какого-нибудь закона, а для борьбы за целый ряд законов. Дело партии есть дело сложное и трудное. Работы у партии много, работы она требует дружной и согласной, но зато победа партии есть победа всех ее членов... Политическая партия всегда добивается издания таких законов, которые нужны ее членам; мы знаем, что всякий закон удовлетворяет интересам какого-нибудь класса; мы никогда не забудем, что классовые интересы фабрикантов и рабочих с одной стороны, помещиков и крестьян с другой – противоположны.

<...>

Оставаться же вне партий не следует: всякий, кто хочет лучших порядков и законов – пусть выбирает себе политическую партию и пусть вместе с ней дружно борется за право и свободу. Тот, кто хочет победы – пусть идет в ряды партий.

<...>

Политическая партия не только объединяет всех людей с одинаковым классовым интересом, но и ведет объединенный класс к победе. Хорошо объединенная политическая партия живет этой борьбой, как один человек. Члены ее хорошо знают, кто им друг и кто враг, они не обманутся, не ошибутся, не повредят дорогому общему делу. Каждый новый успех партии есть успех не только каждого из ее членов, но и каждого из людей, принадлежащих к тому классу, за интересы которого борется партия» [72].

В работе «*Партийное строение государства*» И. А. Ильин пишет: «Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве, как не свободное образование партий? Свободные граждане ищут себе единомышленников, находят их, организуются и выставляют на выборах своих кандидатов! Ведь это входит в самую сущность демократии!.. Нет этого – и демократия гибнет... Не так ли?

Однако история последних десятилетий показала, что демократия разваливается именно вследствие ее партийного строения. Если образование партии свободно, то кто же может помешать людям организовать партию, требующую для себя монополии? Не предотвратили этого в России; не помешали этому в Италии; не сумели противостать этому в Германии, в Австрии, в Польше, в Латвии, в Эстонии, в Испании и Португалии.

Партия есть союз граждан, организовавшихся для того, чтобы захватить государственную власть в свои руки. К этому стремятся все партии – и демократические и антидемократические. Различие между ними в том, что демократы считают нужным соблюдать правила конституции, а антидемократы склонны пренебрегать ими» [314, с. 135–136].

В работе «*О государстве*» И. А. Ильин утверждает, что политические партии не должны делиться по принципу личного, группового или классового интереса. Они призваны служить не лицам, не группам и не классам, а родине, народу, государству. Поэтому каждая партия обязана иметь программу всенародной справедливости, всенародного организационного равновесия, программу общих государственных интересов, программу сверхклассовой солидарности, программу естественных прав, учитывающую все слои и все классы. Партий может быть несколько, много. Однако они не смеют расходиться друг с другом на

том, чьи интересы они защищают, ибо все они призваны защищать общие интересы. Расхождение их может касаться лишь того, какие интересы суть солидарные, общие, всенародные, государственные, сверхклассовые и какая система органического равновесия спасительна для страны [312].

Достаточно интересные и очень спорные взгляды изложил русский мыслитель в работе *«Что дает и что отнимает политическая партийность»*: «Каждая партия про себя всегда посягала и посягает на всю власть, желает превратить ее в свою монополию. Сущность всякой политической партии в том, что она покушается стать целым: прежние партии делали это в порядке избирательного спорта с соблюдением “правил игры”; ныне появились партии, которые делают это в порядке избирательного террора и мошенничества, и притом с попранием (более или менее откровенным) всех правил свободы и лояльности. Захватив монополию, каждая из них становится тоталитарною, подавляет остальные и пытается осуществить свою программу, сколь бы односторонняя, нелепа, разорительна или даже чудовищна она ни была» [315].

В исследовании *«Что такое Русский Обще-Воинский Союз»* И. А. Ильин подчеркивает, что «политическая партия делит свой народ на своих и чужих и ищет успеха именно своим; примеров тому было у нас достаточно перед глазами. Она отправляется не от Целого и думает не о Целом, а представляет интересы только одной части народа (все равно – класса, сословия, профессионального союза или церкви). Этот партийный интерес она стремится выдать за всенародный и тем навязать его всему народу; и для этого она добивается власти. Для приобретения власти она ведет агитацию, раздает обещания, восхваляет себя, старается захватить так называемые общественные высоты (редакции, банки, влиятельные должности и т. д.), вносит пристрастный дух партийности во всю культуру, извращает все критерии жизни, интригует, пачкает других и обычно неумолимо лжет везде в свою пользу» [317].

В то же время, формулируя аксиомы власти, И. Ильин выдвигает следующие положения: основная форма организации элиты – политические партии; их деятельность должна соответствовать ряду условий: проявлять взаимную лояльность, не претендовать на монополизацию общественного мнения, ориентироваться не на захват государственной власти, а на достижение всеобщего интереса.

Представляет особый интерес отношение известного русского философа к партийным идеологиям и к их носителям. В работе *«Национал-социализм. Новый дух»* в 1933 г. он пишет: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе... Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию – европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет... Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам – ни духовно, ни материально, и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который диктаториально и творчески возьмется за “социальное” разрешение социального вопроса. <...> Демократы не смеют называть Гитлера “узурпатором”; это будет явная ложь. Удаляется все причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму; удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно неприятие “новый дух”. Этот “новый дух” имеет и отрицательные определения, и положительные. Он непримирим по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовой

травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам.

“Новый дух” национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское “sacrificio”), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: да есть ли на свете народ, который не захотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?.. Словом – этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения» [311].

В работе «*О фашизме*» И. А. Ильин пишет: «Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало в новой Европе, так будет и впредь. Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был, далее, прав, поскольку искал справедливых социально-политических реформ. Эти поиски могли быть удачны и неудачны: разрешать такие проблемы трудно, и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза – социальными и, следовательно, противосоциалистическими мерами – было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать больше не следовало. Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру» [313].

Совершенно по-другому, не так, как к фашистам, относится И. Ильин к коммунистам. В работе «*Что за люди коммунисты?*» он пишет: «Способность коммунистов пугать, мучить, развращать и убивать людей – общеизвестна, но управлять и хозяйствовать они не умеют. При этом низком умственном и нравственном уровне коммунисты, по свидетельству Ленина, отличаются крайне повышенным самочувствием: таково “невежественное самомнение” коммунистических “сановников”, “интеллигентское самомнение коммунистических литераторов”, их пристрастие к “мишуре, к торжественному коммунистическому облачению”, их “коммунистическое чванство”. Среди коммунистов имеется множество “мазуриков”, обюрократившихся, нечестных, нетвердых, таких, которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, число таковых измеряется сотнями тысяч. Таков был первый отбор большевистской революции. С этого началось: захватили власть переворотом, захватили потому, что она была расшатана и растрочена “временным правительством” – и посадили править лично непорядочных, чванливых невежд, жадных, жестоких и аморальных. При этом моральный уровень коммунистов значительно ниже умственного. Могло ли быть иначе, может ли это и доньше быть иначе, если принять во внимание, что в коммунисты люди шли и идут для предательства России, желая сытости и карьеры?» [316].

В целом период V–XVIII вв. характеризовался резко враждебным отношением к политическим партиям. Тогда под партией понимали нелегитимную группу людей, главной целью которой была реализация частных интересов ее лидеров. Как следствие, политические партии разделили общество на враждующие общности, находившиеся в постоянной борьбе, порой приобретающей вооруженный характер. Это постоянно приводило к внутрен-

ним проблемам, столкновениям и дестабилизации общества. Именно так считали Д. Юм, Г. Болингброк, А. Гамильтон, М. Острогорский и некоторые другие известные мыслители.

Например, *Моисей Острогорский* считал, что политические партии, вместо выполнения своей ключевой функции посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит: «Партии, большие партии, были... соединены с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами» [139, с. 543]. Особую тревогу у него вызывала порожденная партийной дисциплиной деградация личностных качеств рядовых членов политических партий, утрачивающих, по его мнению, способность и волю к самостоятельному осмыслению политической реальности, превращенных в «колесики и винтики» партийных «машин». «Первой проблемой, которая встает в демократической практике, – отмечал М. Острогорский, – является: как организовать политическую деятельность таким образом, чтобы развить непосредственную и регулярную деятельность у граждан, чтобы возбудить индивидуальную энергию и не дать ей заглухнуть? Партийная система дала разрешение этой проблемы: граждане должны выбрать партию, отдаться навсегда, предоставить ей все полномочия, и она позаботится о том, чтобы дать желаемый импульс» [139, с. 550]. Как результат, по мнению М. Острогорского, члены партии «покорно голосуют за “желтую собаку” потому, что она носит цвета партии; они пассивно терпят беспорядки общественной жизни потому, что эти беспорядки покрыты флагом их партии. Пиратам, которые их причиняют и которые ими пользуются, пригодится лишь размахивать перед правоверными членами партии пугалом политического иноверия» [139, с. 552–553].

Лорд *Генри Сент-Джон Болингброк* в Англии и *Александр Гамильтон* в США считали партии злом, которое может и должно быть устранено, даже если для этого потребуется создание временной партии «национального объединения» [18; 195].

Первый президент США *Джордж Вашингтон* в своем «*Прощальном послании*» писал об опасных последствиях «партийного духа» и считал партии готовым оружием для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. Он был убежден в том, что партии совершенно непригодны в рамках республиканской формы правления. Четвертый президент США, один из ключевых авторов Конституции США *Джеймс Мэдисон* политические партии называл крамолой или крамольным сообществом. Существуют два способа излечиться от этого зла: первый – устранить причины, его порождающие; второй – умерять его воздействия. В свою очередь, существует два способа устранения причин, порождающих крамольные сообщества: первый – уничтожить саму свободу, необходимую для их существования; второй – внушить всем гражданам одни и те же мысли, одни и те же увлечения, одни и те же интересы [195, с. 79]. Политическая элита США боялась популизма, прихода при помощи партий к власти абсолютно непрофессиональных людей: «Сделайте меня президентом, и я вас сделаю министром или секретарем штата или, во всяком случае, обеспечу хорошим местом, соответствующим если не вашим способностям, то вашим потребностям» [139, с. 304].

В начале XX в. 28-й президент США *Вудро Вильсон* не изменил традиции недоверия к партиям, считая, что партии – это враждующие секты “политических фарисеев”. На заседании палаты общин Великобритании 26 апреля 1911 г. премьер-министр страны Асквит заявил: «Я согласен (с лидером оппозиции), что система партий привела последние годы у нас к окоченелости, негибкости, которые вовсе не отвечают лучшим интересам страны» [цит. по: 139, с. 287].

Когда появились прототипы современных политических партий? Что способствовало этому? По мнению авторов исследования «*Основы теории политических партий*», первым необходимым условием становится появление субъективного политического интереса,

вызывающего необходимость в создании партии. Таковым может служить стремление повысить свой политический вес, желание консолидировать определенную часть политически активного слоя, необходимость создания организации, защищающей корпоративные интересы и т. д. Второе необходимое условие – наличие кадрового ядра партии, инициативной группы, которая взяла бы на себя выполнение необходимых действий организационного и политического плана по созданию нового политического объединения. В качестве третьего условия выступает потребность в разработке политической стратегии партии, ее идейно-теоретической платформы, интеллектуальных инноваций в социально-политической сфере. Четвертым условием является установление внутри кадрового ядра партии условий, объективно работающих на сплочение партии. Таким обстоятельством может служить общность интересов, сходство идейных ценностей и воззрений, необходимость консолидации вследствие давления внешних обстоятельств. От долговременности обстоятельств, работающих на внутреннюю сплоченность партии, в немалой степени зависит и ее политическая будущность. Очень важно и теоретическое обеспечение формирования политических партий [138].

Основателем социологии политических партий по праву считается российский социолог и политолог, историк и юрист белорусского происхождения *Моисей Яковлевич Острогорский*. В 1906 г. М. Я. Острогорский был избран членом Государственной думы от Гродненской губернии; принимал активное участие в работах по составлению наказов Государственной думы от Гродненской губернии и деятельности комиссии о личной неприкосновенности. В момент роспуска Думы он находился в Лондоне на межпарламентской конференции. Затем долгое время жил за границей. Политической деятельностью больше не занимался.

В центре научных исследований М. Я. Острогорского находились проблемы демократии, к изучению которой он подходил с точки зрения механизма функционирования ее основных политических институтов, прежде всего – политических партий. Основное произведение М. Острогорского «*Демократия и политические партии*» было впервые издано в 1898 г. в Париже, в 1903 г. – вновь в Париже, а также в Лондоне, в 1910 г. – в Нью-Йорке, в 1912 г. – в Париже (переработанное), в 1927 и 1930 гг. – в Москве.

В данном исследовании на богатом эмпирическом материале был раскрыт механизм образования и деятельности политических партий США и Великобритании. «Возрастающая сложность социальной жизни, – писал ученый, – сделала больше чем когда бы то ни было необходимым объединение индивидуальных усилий. Развитие политической жизни, призывая каждого гражданина к участию в управлении, заставляет его, для выполнения своего гражданского долга, входить в соглашение со своими согражданами. Одним словом, осуществление каждым своих собственных целей в обществе и в государстве предполагает кооперацию, которая невозможна без организации. Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свои мнения и действовать; но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции» [139, с. 564].

М. Я. Острогорского постоянно интересовал вопрос об общих принципах и характеристиках политических партий в условиях демократии: «Принципы или программа партии являлись верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правомерности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии». «Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устарелая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер. Так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того, чтобы группировать людей в соответствии с пробле-

мами. Для этой цели противоречивые вопросы были подняты на уровень системы, собраны в универсальные программы и наложены друг на друга; их тасовали, как карты, вынимая то те, то другие, и, в случае надобности, выкидывали те из них, которые вызывали непреодолимые расхождения во взглядах», – писал ученый [139, с. 544–545].

Таким образом, политические партии, возникнув как временные организации, целью которых была мобилизация масс для проведения выборов, приобрели затем устойчивый характер, стали постоянными и неотъемлемыми компонентами политической жизни. В своем исследовании М. Острогорский показал процесс превращения традиционных политических партий в консолидированные организации, не имеющие никаких других целей, кроме собственного роста.

Исследуя внутреннюю организацию и административную структуру политических партий, ученый уделил особое внимание их ядру – *кокусу*: «Он (Бирмингем) создал Кокус, постоянную избирательную организацию, поставившую себе целью сражаться за дело большинства под демократическим знаменем либеральной партии. Новое внепарламентское учреждение, распространившееся вскоре на всю страну, стало отправным пунктом значительного течения, которое и сейчас еще далеко не потеряло силы. Это течение, возникшее на почве желания не давать движения статье о меньшинстве, фактически выполнило задачу организации избирательных масс» [139, с. 77]. М. Я. Острогорский сделал вывод, что в политические партии все вступают на равных правах, но постепенно складывается определенный круг людей, которые связывают политическую верхушку и саму партию. Данный круг ученый назвал кокусом политической партии.

Кокус – это закрытое собрание партийных лидеров для обсуждения различных политических, материальных и организационных вопросов. По мнению Острогорского, именно появление кокуса как первоначальной организационной ячейки означало завершение процесса бюрократизации партии и централизации власти в ней. «Кокус, – подчеркивал исследователь, – группировавший вокруг себя всех передовых и горячих членов партии, скоро становился фракционной крепостью для группы, полной сектантского духа, и Кокус был тем более нетерпим и притязателен, что народная форма его организации давала ему повод выдавать себя за единственного и законного представителя либеральной партии» [139, с. 103–104]. Кокус делал все для себя, своих родных и близких – деньги, положение, должности, привилегии, награды. Он уничтожал в политических партиях свободное состязание членов, заменяя их назначением кандидатов в парламентарии от кокуса. «Стало обязательным голосовать даже за “желтую собаку”, раз она была занесена в партийный список... Кокус искажил его (общественное мнение. – И. К.), втиснув в рамки стереотипных партий», – писал М. Острогорский [139, с. 521].

Кокус, возникнув как специальная структура, обеспечивающая связь парламентских партий с электоратом, постепенно стал механизмом, который занимался целенаправленным влиянием на партийную деятельность в парламенте и широких народных массах, пропагандой партийных идеалов. Как считает Острогорский, партийные вожди политической партии, находящейся у власти, являются «фонографами Кокуса», следовательно, не имеют независимой позиции, с другой стороны, они избавлены от личной ответственности за осуществляемую политику. Если политическая партия находится у власти, то дискуссия в парламенте представляет собой полную формальность, так как все заранее решено в кокусе, причем несколькими особо влиятельными партийными лидерами.

М. Я. Острогорский показал, что в политических партиях наблюдается беспринципная погоня за властью. В политических партиях борьба между фракциями, как правило, более жестока, чем состязание соперничающих партий. Члены политических партий часто объединяются стремлением использовать борьбу за власть для решения собственных проблем. Практически не отличаясь друг от друга задачами и целями, политические партии ожесто-

ченно сражаются за политическую власть, в результате полностью отрываются от основной массы электората и переходят под власть партийных лидеров.

Личностные качества кандидатов в парламентарии в принципе не имеют никакого значения. Все зависит от кокуса. М. Острогорский отмечал, что «ни один кандидат не может быть выдвинут помимо Кокуса» [139, с. 104]. «В каждом месте избиратели должны были признать в Кокусе единственного носителя их политической власти, – писал ученый. – Они должны были следовать его указаниям на выборах, потому что они могли голосовать только за кандидата, одобренного Кокусом. Он уничтожил в партии свободное соревнование кандидатов и заменил их единственными, ортодоксальными кандидатурами со штампом Кокуса. Избиратели, кандидаты, депутаты – все были в полной зависимости от новой власти» [139, с. 269]. Происходят необратимые процессы олигархизации и бюрократизации политических партий. Политические партии в финансовом положении зависят от имущих слоев населения, которые и определяют политику политических партий. От кандидатов в депутаты требуются деньги, много денег и полное подчинение партии и партийным руководителям. Вся деятельность партий заканчивается предвыборной кампанией лжи и обмана, не столь убеждения, сколь гипноза электората. Они соперничают в эффективности методов целенаправленного влияния на избирателей.

О работе одного из таких кокусов политических партий США середины XVIII в. писал известный американский исследователь *Джеймс Брайс*: «...небольшой кружок влиятельных граждан обыкновенно назначал кандидатами на принципиальные и колониальные должности, а его выбор встречал одобрение, несмотря на то, что ни опирался ни на какой авторитет, кроме личного влияния кружка» [23, с. 136].

М. Я. Острогорский предлагал заменить систему политических партий комплексом непостоянных временных политических структур: «Не достаточно ли ясно теперь то разрешение, которого требует проблема партий? Не состоит ли оно в том, чтобы отказаться от практики косных партий, постоянных партий, имеющих своей конечной целью власть, и в том, чтобы восстановить и сохранить истинный характер партий как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определенных политических требований? Такое разрешение вопроса освободило бы партии от целей, имеющих лишь временное и случайное политическое значение, и восстановило бы ту их функцию, которая является постоянным смыслом их существования. Партия как универсальный предприниматель, занимающийся разрешением многих и разнообразных проблем, настоящих и будущих, уступила бы место специальным организациям, ограничивающимся какими-либо частными объектами. Она перестала бы являться амальгамой групп и индивидуумов, объединенных мнимым согласием, и превратилась бы в ассоциацию, однородность которой была бы обеспечена ее единой целью. Партия, держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в нее вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся проблем жизни и вызываемых этим изменений в общественном мнении. Граждане, разойдясь по одному вопросу, шли бы вместе в другом вопросе. Изменение метода политического действия, которое произошло бы на этой основе, коренным образом обновило бы функционирование демократического управления. Применение нового метода началось бы с выявления первопричины коррупции и тирании, порождаемых нынешним партийным режимом. Временный характер группировок не допустил бы больше содержания этих регулярных армий, с помощью которых завоёвывают и эксплуатируют власть» [139, с. 569].

Период конца XIX – начала XX в. характеризовался определенным признанием политических партий. Именно в это время появились работы «*Американская республика*» *Джеймса Брайса* [23], «*Правительства и политические партии в государствах Западной Европы*» *Аббота Лоуэлла* [116] и др. Эти исследователи уже не представляли современное

им общество без политических партий. В своих работах ученые основное внимание уделяли организационной структуре партий, методологии их изучения и методам партийной борьбы. Они утверждали, что политические партии – это необходимый и очень важный элемент демократической системы. Общество уже не только признает политические партии, но и не мыслит своего существования без них; анализировали создание, формирование, функционирование, развитие политических партий в тот исторический период, демонстрируя как положительные, так и отрицательные их качества; рассматривали явления, сопровождающие деятельность политических структур. Дж. Брайс отмечал, что партии являются главными движущими силами Америки. Он предоставил исследователям партий новую методологию, новый инструментарий – системный подход.

Один из основателей классической политической социологии, немецкий политолог и социолог Роберт Михельс также активно изучал проблемы деятельности политических партий. В своем главном труде *«Социология политической партии в условиях демократии»* он сделал вывод, что организация политических партий – это естественное средство для реализации комплекса идеальных целей, формирования коллективной воли. Организация, полагал он, основанная, как это бывает, на принципе наименьшего усилия, т. е. на возможно большей экономии энергии, является оружием слабых в борьбе с сильными. В то же время, изучая политические партии, Р. Михельс утверждал, «что большинство человеческих жизней попадет под влияние незначительного меньшинства». Он выразил свои взгляды в *«железном законе олигархических тенденций»*. Согласно этому закону деятельность демократии строго ограничивается в связи с необходимостью существования социальных организаций и профессиональных союзов, политических партий и массовых движений, опирающихся на «активное меньшинство» (элисту), так как «прямое господство масс технически невозможно».

Р. Михельс исследовал внутреннюю организацию политических партий и сделал вывод, что сначала в партию вступают на равных основаниях. Однако в связи с ростом массовости партий, усложнением задач и требований политической борьбы (индивидуального умения, ораторского таланта, обширных социальных знаний и т. п.), для эффективного выполнения партийных функций требуются определенные личностные качества, которыми обладает далеко не каждый член партии. Оказывается, рядовые члены партии не способны к эффективному управлению и избирают партийных лидеров. Однако даже самые демократические вожди со временем «антидемократизируются». Р. Михельс писал: «Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная, заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями. Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия – это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет» [475, с. 546].

Аппарат партии постепенно отрывается от рядовых членов, приобретает самодовлеющее значение, превращается в «партийную элиту». В итоге лидеры партии становятся полностью оторванными от основной массы ее членов. Происходит олигархизация и бюрократизация партии, окончательное разделение ее на руководящее меньшинство и руководимое большинство. Р. Михельс отмечал, что отношения между правящим меньшинством и управляемым большинством меняются, с усилением организации демократия начинает исчезать. «Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами – это истина, которую познал еще Гете, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что

человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению» [475, с. 548]. Партийные массы постепенно сталкиваются с явлением, которое Р. Михельс назвал парадоксом демократии. С одной стороны, без партийных организаций практическое осуществление демократии невозможно, так как массовая воля, возникающая как результат общих интересов определенных людей или социальных групп, должна быть организована и объединена. Но, с другой стороны, партийная организация ограничивает и даже отрицает внутрипартийную демократию. На определенном этапе демократия обязательно оборачивается олигархией. «Характерно, – подчеркивал мыслитель, – что социал-демократические вожди в Германии признают существование явно выраженной олигархии в профсоюзном движении, а профсоюзные вожди – существование олигархии в социалистической партии. Но о себе каждая заявляет, что она-то обладает иммунитетом против всех бацилл олигархии» [там же].

В несовместимости демократии и принципа партийной организации заключается один из главных выводов исследования Р. Михельса. По его мнению, проявление демократии в партийной жизни есть ни что иное, как свежее испеченная тирания. Некоторые современные исследователи весьма своеобразно понимают железный закон олигархических тенденций Р. Михельса.

Относительно роли народных масс в политической жизни Михельс подчеркивал: «Функция масс заключается в том, чтобы заслуживать управителей. Чем больше масса, тем больше власть вождей над ней... Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс» [475, с. 548].

Теоретический процесс образования современных политических партий отражен в моделях, разработанных известными французскими мыслителями – историком и политическим деятелем, лидером консервативной Партии порядка, министром иностранных дел Франции *Алексисом де Токвилем* в работе «*Демократия в Америке*» и политологом и социологом *Морисом Дюверже* в знаменитом исследовании «*Политические партии*». Алексис де Токвиль, характеризуя этапы формирования политических партий, отмечал, что «вначале людей объединяют общие взгляды, общее мировоззрение, между ними возникают чисто духовные связи. Затем, на втором этапе, эти же люди образуют небольшие объединения, представляющие собой фракцию партии. И, наконец, на третьем этапе они как бы формируют отдельную нацию внутри всей нации, свое правление внутри государственного правления» [189, с. 156].

Морис Дюверже выделял два пути образования политических партий. Электорально-парламентский путь связан с объединением парламентских групп и комитетов по поддержке кандидатов в политические структуры. Причем М. Дюверже утверждал, что формирование и развитие политических партий шло параллельно со становлением парламентаризма, более того, оно было детерминировано парламентскими процедурами. «Общий механизм генезиса прост, – утверждал социолог, – сперва создаются парламентские объединения, затем возникают избирательные комитеты, наконец, устанавливается постоянная связь этих двух образований. Разумеется, на практике чистота этой теоретической схемы оказывается нарушенной самыми различными способами. Парламентские группы обычно появлялись раньше избирательных комитетов: ведь политические ассамблеи существовали еще до всяких выборов. Парламентские же объединения с равным успехом зарождаются в лоне как автократических, так и выборных палат: действительно, борьба «группировок» обычно обнаруживается во всех наследственных или кооптируемых ассамблеях, идет ли речь о Сенате античного Рима или Сейме Речи Посполитой» [53, с. 22–23].

Процесс формирования политических партий Дюверже представил следующим образом: духовенство, учителя, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты образовывали сначала нерегулярные политические союзы, самое большее – локальные политические клубы. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов играют люди, уважаемые на местах. В мирное время руководство клубами или совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство – почетная должность. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов [53].

Политики, как и простые граждане, обосновывают свои интересы, как правило, в политических доктринах или идеологиях. Но все же начало политического объединения дает географическое соседство депутатских округов и близость интересов избирателей, желание совместно защищать профессиональные или корпоративные интересы, лишь потом появляются идеалы, которые подкрепляют эти интересы.

М. Дюверже приводит типичный пример: «В апреле 1789 г. депутаты Генеральных Штатов от провинций начинают прибывать в Версаль, где они чувствуют себя как бы вырванными из родной почвы. Совершенно естественно, что посланцы одной и той же провинции стараются держаться вместе, дабы освободиться от преследующего их ощущения изолированности, а заодно и подготовиться к защите своих местных интересов. Инициатива принадлежала депутатам-бретонцам, которые снимают зал кафе и организуют там свои регулярные встречи. Тогда-то они и обнаруживают, что общность их взглядов распространяется не только на региональные вопросы, но и в равной степени на основные проблемы общенациональной политики. Они ищут контактов с депутатами других провинций, которые разделяют их воззрения, – так “бретонский клуб” принимает форму идеологического объединения» [53, с. 23].

М. Острогорский, Р. Михельс, М. Дюверже в своих исследованиях доказали, что партии – необходимый институт любого общества и социальный механизм, где идеи, ценности и организационная структура служат достижению конкретных политических целей.

Итак, политические партии возникли как объединения граждан, стремящихся выдвинуть своих кандидатов в государственные органы. Затем сформировавшиеся в обществе социальные слои, группы и классы стали воспринимать политические партии как выразителей своих интересов. Сами политические партии предпринимали значительные усилия по привлечению в свои ряды новых членов, а также по организации поддержки этих групп. Такой путь проделала Консервативная партия Великобритании, сформировавшаяся уже в структурах парламента. В настоящее время невозможно представить западные политические партии без парламентских дебатов, избирательных кампаний, газетной и журнальной полемики, в ходе которых выдвигались и приобретали популярность их политические лидеры, поднимались сложнейшие проблемы, отыскивались многочисленные варианты их решения. Не случайно парламентские фракции часто были руководящими центрами политических партий, которые стали принимать более или менее современный вид в XIX в. – во времена расцвета парламентаризма, когда во многих странах интенсивно формировалось гражданское общество.

«Когда в европейских государствах, – писал М. Дюверже, – в основном сложились парламентские системы, наиболее распространенным стал “внешний” способ формирования политических партий. Такие политические структуры первоначально представляли собой кружки, клубы единомышленников, профсоюзы, философские общества, различные группировки – промышленные, крестьянские, финансовые и другие, исповедующие определенные взгляды, ценности, принципы, идеи, доктрины, идеологические концепции. Они

не считали главной задачей своей деятельности участие в избирательных кампаниях или приобщение к власти. Включение таких партий в систему парламентаризма произошло значительно позднее, когда у них возникла потребность в проведении собственной политики. Лейбористская партия Великобритании первоначально сложилась как внепарламентская организация в недрах английского рабочего движения и лишь позже стала парламентской партией. В других европейских странах, где традиции конституционной оппозиции привились сравнительно позже, большинство политических партий возникли вне парламента – первоначально из различного рода клубов, студенческих организаций, профсоюзов, крестьянских кооперативов». К этой группе М. Дюверже относил большинство социалистических и конфессиональных партий [53, с. 29–37].

В государствах, которые переживают период становления парламентаризма и подлинно демократической избирательной системы, по М. Дюверже, доминирует электоральный тип образования партий. Чтобы провести своих кандидатов в парламент, требуется хорошая организация предвыборной кампании. Да и избиратели, впервые получившие реальную возможность выбора, должны иметь конкретную информацию о кандидатах, их программах, которую могут предоставить только специально созданные для этого организации – политические партии. Однако по мере совершенствования парламентской системы, приобретения необходимых навыков участия в избирательных кампаниях на первое место в партийном строительстве будут выходить идеологическая близость, единство идеалов и принципов, взглядов и убеждений. «Первый тип, – считал Дюверже, – соответствует периоду создания политических партий в стране, где еще не сложилась система организованных партий. Как только такая система начнет функционировать, преобладающим станет второй способ создания партий» [53, с. 37].

Во многих странах с парламентской системой правления стремление получить министерский пост было эффективным фактором повышения политической активности парламентариев. Многие объединения во французских парламентах это были коалиции «министерялов», которые в иных случаях так бы и не смогли превратиться в настоящие политические партии [53].

М. Дюверже приводит ряд примеров, как из политического «мусора» формировались партии, которые в настоящее время занимают ведущие позиции в развитых современных государствах мира. В превращении многих парламентских групп в политические партии, убеждены М. Острогорский и М. Дюверже, значительную роль сыграла коррупция. «В течение длительного времени английские министры обеспечивали себе прочное большинство, покупая голоса, иначе говоря, – совесть депутатов. Это явление получило чуть ли не официальный статус: в Палате даже существовало окошечко, где парламентарии могли узнать цену своего голоса в момент баллотировки. В 1714 г. в Англии был учрежден пост политического секретаря казначейства, ответственного за эти финансовые операции; так называемый секретарь вскоре... был переименован в the Patronage secretary (секретаря-покровителя), поскольку устраивал выдвижение на правительственные должности с помощью подкупа. Распределяя таким образом правительственную манну среди депутатов большинства, секретарь-покровитель неусыпно контролировал их голоса и речи: он становился для них “человеком с кнутом”, “загонялой” – “The whip” (этимологически англ. “whip” означает “кнут”; на жаргоне псовой охоты – это псаря, вооруженные хлыстами и направляющие свору к загоняемому животному). Таким образом, в партии большинства постепенно устанавливается строгая дисциплина. По логике вещей, меньшинство приходит к необходимости ввести в целях самообороны аналогичную, хотя и основанную на других методах дисциплину. Хотя позднее парламентские нравы постепенно цивилизовались, структура парламентских групп с их жесткой организацией и властью их whips пережили те основания, которые их когда-то породили» [53, с. 25].

Следует особо подчеркнуть, что при рабовладельческом и феодальном строе и на первоначальном этапе формирования буржуазного общества, деятельность политических группировок, несмотря на то, что они вели постоянную борьбу за власть, носила временный характер, а сами группировки по своей структуре были непрочными, аморфными и после успешного решения краткосрочных задач распадались. Эти группы людей, объединенных вокруг своих лидеров, не являлись политическими партиями в полном смысле этого слова. У них не было оформленной программы действий, четкой внутренней организации, их деятельность не регламентировалась никакими законодательными актами. Все, что их объединяло в каждый конкретный период времени, – это общность интересов и личности лидеров.

Главной социальной причиной создания в Европе в XVII–XVIII вв. первых политических партий как особых, отличающихся высокой степенью институционализации политических структур, явилось становление буржуазии как класса. Это новая мощная сила, обладающая деньгами, энергией, авторитетом, но не имеющая реальной политической силы и места в политической системе. Стремление буржуазии к власти разрушило единство правящих кругов и вызвало острую идейную и политическую борьбу. Первоначально политическая борьба была тесно связана с религиозной борьбой, а политические группы формировались по религиозным убеждениям. Реформация во многом стала выражением политических устремлений и была непосредственно связана с политическими интересами новой буржуазии. Лютеране в Германии, гугеноты во Франции, кальвинисты в Швейцарии и Нидерландах – это не только религиозные течения, но и политические структуры, ставшие мощной силой, а в целом ряде стран пришедшие к власти.

Распад в результате буржуазных революций феодальной политической системы, основанной на неизменности титулов по рождению или дарованных монархом, ограничение власти правителей, образование новых властных представительных органов детерминировали появление соответствующего сложившимся условиям политического механизма, в центре которого находился парламент – выборный орган, представляющий интересы буржуазии. Это потребовало принципиально новой системы выборов и создало определенные предпосылки более тесного единения депутатов для более эффективного решения политических задач, формирования новых политических структур, заставивших избирателей придти на выборы и проголосовать за конкретного кандидата. Ими и стали политические партии, под которыми понимались организации, преследующие цель завоевания постов в государственных органах в конкурентной борьбе за голоса избирателей. «По мере того, – подчеркивал Моисей Острогорский в работе *«Демократия и политические партии»*, – как ограниченное избирательное право расширялось и потребность в создании особой организации для выборов делалась все более необходимой, на сцену выступили свободные организации, созданные на партийной основе» [139, с. 543].

По мнению М. Дюверже, «история подлинных партий едва ли насчитывает век. Еще в 1850 г. ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы, философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова. В 1850 г. они функционируют в большинстве цивилизованных стран, все прочие стремятся им подражать. Как же всего за сто лет совершился этот переход? Данный вопрос представляет не один только исторический интерес: все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства. Невозможно, к примеру, понять структурное отличие, разделяющее британскую лейбористскую и французскую социалистическую партии, не зная обстоятельств их рождения. Нельзя серьезно анализировать французскую или нидерландскую многопартийную и американскую двухпартийную системы, не обращаясь к происхождению партий в каждой из этих стран – именно здесь мы найдем объяснение тому факту, что в

одних странах они множились, а в другой – сокращались» [53, с. 21–22]. Попробуем дать ответ на вопрос М. Дюверже.

Как утверждает *Моисей Острогорский* в своей знаменитой книге «*Демократия и политические партии*», первые попытки создания политических структур наблюдались в конце XVII в. «Общественное мнение, – пишет мыслитель, – возмущенное коррумпированным парламентом, попыталось свободно организовать, чтобы изложить свои жалобы и пожелания. Негодование, вызванное делом Уилкса, этого лондонского депутата, изгнанного из парламента, несмотря на законное избрание, послужило к основанию в 1769 г. первой политической ассоциации под именем “Общества поддержки билля о правах”» [139, с. 78]. С большой натяжкой данную организацию можно считать первой политической партией в нынешнем понимании данной дефиниции.

По мнению *М. Острогорского*, *Р. Михельса*, *Д. Иловайского*, некоторых других исследователей, основные политические партии Великобритании возникли в результате споров о наследовании трона. Со смертью Елизаветы I прекратилась династия Тюдоров. Преемником своим она назначила сына Марии Стюарт, Якова, который соединил под одной короной оба соседних государства – Англию и Шотландию. Яков показал полную неспособность решить острые социальные и политические проблемы, стоящие перед государством. Сын Якова Карл развязал войны с Испанией и Францией и, нуждаясь в деньгах, несколько раз созывал и распускал парламенты, чтобы те утверждали налоги. Чтобы в очередной раз получить денежные средства на содержание армии, Карл I был вынужден вновь созвать парламент. Но на этот раз парламент, опираясь на простой народ, захватил в свои руки верховную власть. В истории он получил название Долгого парламента. Не имея постоянной армии, Карл I покинул Лондон и призвал на службу всех верных ему вассалов. К королю примкнула большая часть знатного дворянства, которая опасалась за свои привилегии. Королевская партия, или роялисты, получила название *кавалеров*, а парламентская партия, из-за коротко остриженных волос, – *круглоголовых*. В начале гражданской войны перевес был на стороне более привычных к оружию кавалеров, но Карл I так и не сумел воспользоваться первыми успехами. Между тем парламентские войска, состоявшие преимущественно из горожан и мелкого дворянства, постепенно усиливались, приобретая опытность в военном деле. Победа окончательно перешла на сторону парламента, когда во главе его армии стали *индепенденты*. Так называлась протестантская партия, которая не признавала никакого духовного сана и стремилась к республиканскому образу правления. Вождем индепендентов был Оливер Кромвель. В результате гражданской войны была создана деспотическая республика, король Карл I был казнен [70; 139].

Англия долгое время была в стороне от религиозных войн, охвативших всю Европу. Однако постепенно именно в Англию проникает наиболее радикальный вариант протестантизма – *пуританство*. Именно пуритане, выражавшие интересы буржуазии и средних землевладельцев, становятся главной оппозицией королевскому двору. Благодаря их целенаправленности и упорству английский парламент, орган до этого совершенно не замечаемый широкими народными массами, оказался в центре политической борьбы и стал катализатором образования новых политических структур [157].

После смерти Оливера Кромвеля в Англии образовались две главные политические партии: *тори* (первоначально – презрительная кличка ирландских католиков) и *виги* (от «виггаморы» – так называли шотландских протестантов), продолжившие уже возникшее в стране размежевание на кавалеров и круглоголовых. Тори выступали за монархическую власть, их поддерживала часть аристократии и большинство сельских дворян. Виги отстаивали интересы предпринимательских и финансовых кругов, народные права и старались ограничить власть короля в пользу парламента. На их стороне находилась другая часть аристократии и население больших городов. Партию тори многие исследователи называли

консервативной, а вигов – прогрессивной. По мнению известного немецкого социолога *Вальтера Зюльцбаха*, «либералы – партия отчаянного прогресса, консерваторы – партия осторожного статус-кво» [67, с. 54].

Формирование политических партий и первой партийной системы в Англии, по мнению известного российского исследователя политических партий *Бориса Исаева*, совпало с переходом британского общества от доиндустриальных отношений, основанных на владении земельной собственностью, к эпохе индустриализма, под которой обычно понимают ускоренное, интенсивное развитие производительных сил и вызванное им изменение всех общественных отношений. Начало индустриализации обычно связывают с переходом от мануфактурного и ручного к промышленному и машинному производству. Промышленный переворот, с которого началась эта эпоха, впервые в мире произошел в Великобритании в 1760–1820 гг.

Эпоха индустриализма изменила внешний вид, организацию и образ действия британских партий [75, с. 167–169]. Основные движущие силы и результаты этих перемен заключались в следующем:

а) в изменении характера труда, в направлении массового производства, все большей рационализации и эффективности, все большей зависимости от рыночного спроса;

б) в изменении характера всех социальных отношений в сторону демократизации, равенства, расширения прав человека, роли общественных организаций и политических партий, вообще увеличения возможностей общества воздействовать на власть;

в) в изменении социальной структуры общества и усилении социальной мобильности (за счет увеличения рождаемости и снижения смертности, а также за счет перемещения массы сельчан в города в эпоху индустриализма начался устойчивый рост численности населения в целом и особенно в индустриальных районах Англии и Уэльса);

г) в количественном росте (за счет увеличения населения) электората, который требовал от партий ориентации не на элиту, а на широкие массы избирателей (в то же время архаичный избирательный закон, действовавший в начале XVIII в., допускал к урнам для голосования только 250–300 тыс. избирателей, что составляло 5,5 % населения) [168, с. 48–57];

д) в демократизации политической системы, которая помимо государственных структур стала включать такие акторы, как партии, СМИ, общественные организации, профсоюзы, другие группы интересов;

е) в становлении и росте гражданского общества;

ж) в изменении внешней политики, которая заключалась в поддержке внешней торговли, колониальной деятельности и в ведении войн. Все четыре войны, которые вела Великобритания в течение 1739–1783 гг., преследовали в основном коммерческие цели. С 1679 по 1867 г. была создана Британская империя, включавшая такие обширные колонии, как Индия, Канада, Вест-Индия, Южная и Центральная Африка, Австралия и Новая Зеландия [75].

Эпоха индустриализма, по мнению *Б. Исаева*, – это время становления совершенно определенных политических партий, время, когда происходит изменение условий деятельности, структуры и организации партий-фракций и трансформация их в современные политические партии. Именно отсутствие современных партий с развитой внутренней структурой, т. е. постепенное формирование этой структуры, и является главной отличительной чертой первой партийной системы, формирование которой связано с парламентской деятельностью первых английских партий. Для английской партийной системы характерно доминирование в парламенте двух и только двух партий, одна из которых в результате выборов получает большинство мест в парламенте. Для первой партийной системы Англии было характерно чередование у власти фракций вигов и тори. Подобное чередование прослеживается во всех бипартийных системах. Вообще, режим бипартизма часто сравнивают с движением маятника, который после отклонения в одну сторону неизбежно отклонится в другую.

Действительно, сколько бы ни длилось правление одной партии при двухпартийном режиме, неизбежен переход власти к другой, конкурирующей, партии. «Маятниковое» функционирование бипартийных систем наглядно прослеживается на примере всех трех партийных систем Великобритании [322].

В политической науке широкое распространение получила предложенная немецким социологом и политологом *М. Вебером* классификация этапов становления политических партий: аристократические кружки (котерии); политические клубы; массовые партии. Правда, следует отметить, что эти три стадии прошли только две английские партии: консервативная (тори) и либеральная (виги) [53].

Аристократическая группировка. Радикальные представители наиболее известных семей Англии в тесном кругу обсуждали проблемы дальнейшего совершенствования общества, пути решения сложнейших общественных проблем, создавали проекты будущего. Тогда только ограниченное количество граждан государства имело право голосовать, обладатели этого права стали объединяться вокруг ведущих представителей аристократии для получения поддержки и продвижения своих кандидатур на ведущие политические посты. Однако подобная организация может считаться прообразом политической партии только в том случае, если она действовала в рамках парламентской системы и ставила задачи создания политической системы более высокого порядка.

Следующим этапом образования политических партий в Западной Европе стали *политические клубы*. Они обычно возникали как центры формирования и пропаганды буржуазной идеологии. Именно Великая Французская революция, ставшая переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, образование парламента (конвента) дали сильнейший толчок созданию на европейском пространстве разнородных группировок, именовавших себя «аристократами», «роялистами», «придворными партиями». Правда, как утверждает Моисей Острогорский, «их шумные театральные приемы дискредитируют их и побуждают правительство к репрессиям. Обширная тайная организация в форме клубов возобновляет свою деятельность, несмотря на правительственные строгости» [139, с. 78].

Постепенно эти группировки преобразовались в политические клубы. В Великобритании политические клубы сформировались в 30-е гг. XIX в.: тори основали «Чарлтон Клуб», виги – «Реформ Клуб». М. Острогорский писал: «...политические клубы существовали в Англии и раньше. Их происхождение восходит к XVII веку. Но довольно долго они не оформлялись официально. Это были более-менее открытые собрания в кафе или тавернах, где беседовали о политике, предаваясь чревоугодию с обильными возлияниями. Настоящие клубы, как мы их понимаем теперь, т. е. имеющие собственное помещение и официально зарегистрированных членов, появились только в девятнадцатом веке. Основанные с целью постоянного удовлетворения потребности в общении и комфорте, клубы, в их новой форме, вскоре должны были стать оперативной базой для политиков» [139, с. 84–85]. В Англии клуб тори первоначально был связан с традиционно земельной аристократией, а клуб вигов – с либеральной буржуазией. Но эта прямая зависимость скоро существенно ослабла, так как английская земельная аристократия в относительно короткий период времени без серьезных конфликтов и потрясений трансформировалась в земельную буржуазию, ориентированную на рынок.

В других странах политические клубы часто возникали вне системы представительной власти, формируясь на основе групп, связанных с редакциями печатных органов или конспиративных союзов (например, клуб «Молодая Италия», который насчитывал в своих рядах около пятидесяти тысяч человек).

В основе политических клубов Франции вначале были группы, объединяющиеся вокруг салонов, редакций газет и конспиративных союзов, и лишь затем – связанные с парламентской деятельностью. Типичными примерами прообраза новых политических орга-

низаций стал Парижский политический клуб бретонских депутатов во Французском национальном собрании, который по месту заседаний (в монастыре св. Якова) получил название «якобинский» и в 1791 г. насчитывал по всей Франции 448 провинциальных отделений. Генезис политических клубов довольно подробно проанализировал М. Дюверже в работе «Политические партии»: «...постепенно “бретонский клуб” принимает форму идеологического объединения. Когда собрание перевели из Версаля в Париж, клуб вынужден был прервать свои заседания и вновь подыскивать место. На этот раз за неимением зала кафе его инициаторы арендовали монастырскую трапезную. Именно с названием этого монастыря им и предстояло войти в историю: почти все забыли бретонский клуб, но кто же не знает клуб якобинцев? Аналогичный процесс превращения региональной группы в инициативное ядро доктринальной группировки позднее породит клуб жирондистов. Такие объединения не следует смешивать с местами их сбора. Здесь еще раз стоит привести пример якобинцев – он, по-видимому, действительно исчерпывающе характеризует фазу предыстории партий. Точно так же во французском Учредительном собрании 1848 года мы находим объединения “Дворец науки” и “Институт” (умеренные республиканцы), улиц Пуатье (монархисты-католики), Кастильон и Пирамид (левые). Можно вспомнить и Франкфуртский парламент с его партиями “кафе «Милани»” (крайне левые), “Казино” (правый центр), а также “Вюртемберг” (левый центр, откуда выделились партии “Вестендаль” и “Аугсбург”), “Германия” (левые) и, наконец, “Монт-Тоннер” (крайне левые) – все последние получили свои названия по имени отелей, где собирались. В данном случае речь идет о феномене, весьма отличном от бретонского клуба или клуба жирондистов: депутаты встречаются в одном и том же месте, так как разделяют одни и те же взгляды; оба же упомянутые клуба сложились по принципу землячества, а уж затем их члены констатировали свою идейную общность. Здесь же перед нами – идеологическое, а не региональное объединение; использование для его обозначения названия места заседаний говорит лишь о том, что доктрина еще не настолько прояснена, чтобы служить характеристикой группы» [53, с. 24].

«Со временем, – писал Острогорский, – почувствовалась необходимость в более методических приемах, и, кроме того, стало неудобно заниматься партийными делами в самом клубе, так сказать, под веселую руку. Либеральный кнут Бранд тогда (в 1861 г.) образовал независимую центральную организацию» [139, с. 86]. Ее главной задачей была избирательная регистрация, которую данная структура успешно решила. «Консервативная партия, – подчеркивал М. Острогорский, – образовала центральную ассоциацию на тех же основаниях. Учитывая значение общественного влияния главного избирательного рычага, консервативной партии, центральное бюро тори поддерживало тесные отношения с Carlton club; если они не являлись единым организмом, у них была одна душа» [там же].

Зародыши внеконституционной политической организации в США, считает классик социологии политических партий М. Острогорский, появились в клубах колониального периода: «Эти клубы, процветавшие преимущественно в Бостоне, сделались по мере продвижения американской революции очагами политической дискуссии, где вскоре зародилось сопротивление произволу британского парламента» [139, с. 297]. Именно в Бостоне по инициативе членов Кокус-клуба возникли «корреспондентские комитеты» – мощные организации патриотической партии, подготовившей революцию и независимость [там же]. Несколько лет спустя под влиянием Французской революции, которая стала переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, здесь появляются постоянные избирательные комитеты, а в 30-е гг. XIX в. проходят первые национальные съезды по выдвижению кандидатов в представительные органы. До начала XIX в. в этой стране было образовано около сорока организаций типа французского «Якобинского клуба», обществ ирландских радикалов, американских «Сынов свободы». Но они практически копировали деятельность своих европейских коллег, «стали элементами смуты и угрожали общественному порядку»,

и президент США Джордж Вашингтон их запретил. На смену избирательным комитетам пришли две большие политические структуры – федералисты и республиканцы [там же].

Демократическая партия, которая тогда называлась республиканской, была основана в 1792 г. *Томасом Джефферсоном*. Она была создана как «партия всего народа» и противостояла партии тогдашней американской элиты – партии федералистов. Сторонники Т. Джефферсона отстаивали позиции сельскохозяйственного Юга, высказывались в пользу снижения роли федеральных властей и верили в право каждого американца участвовать в политической жизни. В 1798 г. партия получила название Демократическая республиканская партия – Democratic-Republican Party, а в 1800 г. Т. Джефферсон выиграл президентские выборы. Партия выступала за сохранение независимости отдельных штатов.

Ей противостояли федералисты, выступавшие за создание американского государства с сильной федеральной (центральной) властью. Федералисты были убеждены в необходимости центрального правительства, представляли интересы промышленников Севера, среди которых было много молодой национальной буржуазии. И не удивительно, что один из самых известных федералистов *Александр Гамильтон* сравнивал народ со «страшным зверем». Лидером федералистов был второй президент США – *Джон Адамс*. Победа Т. Джефферсона над Дж. Адамсом в 1800 г. стала началом конца партии федералистов, которая практически полностью исчезла к 1816 г.

Следует особо отметить, что создатели американского государства крайне отрицательно относились к самой идее создания политических партий. Они были против формирования политических структур и появления враждующих «фракций», которые, по их глубокому убеждению, стали бы проявлять больший интерес к межпартийной и фракционной борьбе вместо того, чтобы заботиться об общем благе жителей государства. Основатели США хотели, чтобы американские граждане голосовали за отдельных кандидатов без вмешательства организованных политических структур, считали, что партии представляют угрозу существованию американского республиканского государства.

Последовательным противником создания политических партий был и *Джордж Вашингтон*. Он говорил о губительности воздействия партий, уничтожающих единство американского общества, полагал, что они в действительности являются «готовым оружием для подрыва власти народа». Другой известный американский политик *Джеймс Мэдисон* называл партии «крамолой» [195, с. 79] и был убежден, что «скрытые причины крамолы заложены в природе человека, и мы зрим, как они повсеместно, хотя и в различной степени, вызывают действия, совместные с различными обстоятельствами гражданского общества. Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага» [195, с. 80].

Источником партийных размежеваний, по Дж. Мэдисону, могут быть также приверженность различным политическим лидерам или выдающимся личностям, общественное поведение или судьбы этих личностей, представляющих наибольший интерес. Основной причиной возникновения партий является неравное распределение собственности.

«Ни одному человеку, – считал *Дж. Мэдисон*, – не дозволено быть судьей в собственном деле, поскольку владеющие им интересы, несомненно, повлияют на его решения и, вполне вероятно, растлят его честность. В равной степени и, пожалуй, даже с большим основанием, группе людей также неуместно выступать одновременно и в качестве судей, и в качестве тяжущихся сторон» [195, с. 81]. А ведь к этому стремятся партии – делал вывод политик.

«*Причины, порождающие крамолу (политические партии. – И. К.), – утверждал Дж. Мэдисон, – невозможно истребить и спасение от нее следует искать в средствах, умеряющих ее воздействие. Если крамольная группировка включает в себя менее большинства граждан, спасением от нее является сам принцип республиканского правления, позволяющий справиться с вредоносными взглядами посредством простого голосования. Крамольники могут нападать на власти, они могут вносить смуту в общество, но им будет не под силу осуществлять и маскировать свои бесчинства, прикрываясь положениями, провозглашенными конституцией*» [195, с. 82].

Сложная система управления государством, по мнению будущего президента США, созданная на основании американской Конституции, ограничивает влияние политических партий. Одним из наиболее важных достоинств новой американской системы является то, что созданное на основании Конституции государство будет защищено от тлетворного влияния различных политических партий.

Справедливости ради следует отметить, что Дж. Мэдисон также писал о том, что свобода в обществе неизбежно побуждает к партийному расколу, подобно тому, как воздух побуждает разгораться огонь: «Свобода для крамольных сообществ (политических партий. – И. К.) все равно, что воздух для пламени – пища, без которой они немедленно иссякнут. Но было бы величайшей глупостью уничтожить свободу единственно потому, что она питает крамолу, равно как желать уничтожения воздуха, без которого нет жизни для всего сущего, единственно потому, что он раздувает разрушительное пламя» [195, с. 79].

При этом, по мнению российской исследовательницы *Марины Власовой*, причина и следствие поменялись местами – американским политическим партиям приписывалась роль разжигателей розни, а с их уничтожением связывали возвращение единства и умиротворения. В партиях видели как проводников анархии (способствовавших социальной нестабильности), так и инструменты установления тирании (организаций меньшинства, навязывающего свою злую волю большинству). Приверженность партиям (фракциям) считалась антонимом «общественным добродетелям» [248].

Однако к 90-м гг. XVIII в. в США сложилась совершенно другая политическая ситуация. Это было время активного экономического и политического развития, усложнения общественной жизни, демократизации политической жизни, расширения избирательного права, роста выборных должностей во властных структурах разного уровня и т. д. Люди, разделявшие противоположные политические взгляды, пытались благодаря объединению добиваться поддержки своих идей. Несмотря на все усилия Дж. Мэдисона и препятствия, созданные основным американским законом, политические партии появлялись, развивались и постепенно стали неотъемлемой частью американской политической системы. При общем негативном отношении руководителей государства к политическим партиям была создана уникальная для того времени партийная система.

Формирование новых компонентов в политической структуре США было детерминировано двумя важными факторами – распространением в конституционных рамках идей оппозиции и становлением разделения властей. Существенно повлияли на формирование и становление американских политических партий и политические инновации «процедурного» характера. К ним относятся изменения, постепенно приводившие внутреннее устройство страны к демократической форме. Их основы были заложены в Конституции США и Билле о правах: расширение электората в результате пересмотра целого ряда законов штатов в виде поправок к конституциям и отмены большинства избирательных цензов, увеличение числа выборных должностей во властных структурах разного уровня, демократизация процедуры выдвижения кандидатов на главную политическую должность в стране – президентскую.

Следует назвать и основные субъективные причины, приведшие к формированию американских политических партий. Президент США Джордж Вашингтон постоянно пользовался советами людей, с которыми работал и на мнение которых опирался. Двух из них он назначил своими секретарями. Государственным секретарем стал *Томас Джефферсон*, а секретарем казначейства – *Александр Гамильтон*. Т. Джефферсон, в отличие от своего коллеги Дж. Мэдисона, не рассматривал партии как «крамольные сообщества». Он считал их необходимым элементом демократии. Более того, он был убежден, что избавиться от какой-либо политической партии невозможно. На ее месте возникнут новые партии, и «сознание общества вновь будет захвачено тем же партийным духом». Как политический философ и действующий политик, Т. Джефферсон также осознавал, что неизбежна борьба внутри человеческого сообщества. В его работах неоднократно была выражена мысль о том, что партийная борьба играет более важную роль, чем деятельность всего правительства [195].

А. Гамильтон по многим вопросам также имел свое мнение, и прежде всего о том, какой должна быть политика американского государства. Это было причиной огромного количества конфликтов между двумя американскими политиками. Поскольку Дж. Вашингтон все чаще в вопросах внутренней и внешней политики стал прислушиваться к советам А. Гамильтона, Т. Джефферсон подал в отставку. В этот период А. Гамильтон и его последователи стали называться федералистами, а Т. Джефферсон и его коллеги – республиканцами. Отметим интересный факт: позже сторонники и последователи Т. Джефферсона – республиканцы – образовали партию, которая стала называться не республиканской, а демократической. Демократическая партия первоначально отражала интересы политических кругов американского Юга – плантаторов, военных, фермеров, а Т. Джефферсон произнес свою знаменитую фразу «Мы все республиканцы, мы все федералисты» [139, с. 302]. Но это было совсем не так. К 1828 г. партия федералистов как политическая организация перестала существовать, ей на смену пришли виги, выступавшие против избрания в том же году на пост президента *Эндрю Джексона*. Название партии происходит от прозвища американских борцов против британской метрополии во времена Американской революции, когда *вигами* (от названия партии вигов Великобритании) называли людей, выступавших против авторитарного правления. Лидером партии был известный политик Генри Клей. Среди видных членов партии вигов были Дэниэл Вебстер, будущий президент США Уильям Гаррисон, лидер вигов в штате Иллинойс Авраам Линкольн. Интересно, что именно У. Гаррисон во время предвыборной кампании впервые в политической истории развернул самую настоящую пиар-кампанию, с вечеринками, митингами, плакатами, оскорблениями других кандидатов, и он победил. А демократы-республиканцы стали демократами.

После победы лидера демократов Эндрю Джексона на президентских выборах в 1828 г. демократическая партия успешно провела реформу избирательной системы, ввела всеобщее избирательное право для всех взрослых белых мужчин, что тогда было очень смелым решением, прямое голосование за «коллегию выборщиков». Демократическая партия опиралась на мелких фермеров, католиков, новых иммигрантов и жителей приграничных городов.

Республиканская партия была организована в начале 1850-х гг. Ее создали противники рабовладения и жители США, ожидавшие, что государство бесплатно предоставит им свободные территории запада США. Формально эти территории были свободны, фактически их заселяли индейские племена, мнением которых в стране никто не интересовался. Учредительное собрание партии прошло в 1854 г. Партия получила название «Республиканская», так как она поддерживала идеи равенства всех жителей США перед законом и Богом. Кроме того, вновь образованная партия заявляла о своей приверженности идеалам отцов-основателей США, напоминая, что изначально партия Т. Джефферсона называлась Демократической республиканской партией. Партия твердо заявила, что рабству должен быть положен конец на всей территории Америки, в том числе и на юге страны. Одним из ее основателей стал

Авраам Линкольн. Партия объединила в своих рядах часть бывших либералов – американских вигов, движение фрисойлеров – свободных землевладельцев, а также американскую партию нативистов. Она была создана под лозунгами отстаивания интересов промышленного севера США. Уже через два года Республиканская партия, которая ранее боролась за власть на уровне городов и штатов, вышла на общенациональный уровень, выдвинув кандидата в президенты. На этих выборах республиканцы противостояли двум главным партиям – демократам и вигам. Кандидат республиканцев проиграл выборы. Но уже через четыре года, на выборах 1860 г., президентом страны стал Авраам Линкольн, который уничтожил систему рабовладения и выиграл Гражданскую войну. Новая партия добилась высот политической власти.

Виги в 1852 г. в результате внутрипартийного раскола в связи с вопросом о будущем рабства на новых американских территориях выдвинули на пост президента страны не главу государства Милларда Филлмора, а генерала Уинфилда Скотта. Однако он потерпел сокрушительное поражение от малоизвестного кандидата от демократов Франклина Пирса: 254 голоса выборщиков против 42. После поражения многие виги перешли на сторону демократов, некоторые вошли в Республиканскую партию. Остальные члены партии вигов создали националистическую политическую партию Know Nothing. Партия появилась во многом благодаря страхам, существовавшим в то время в американском обществе. Некоторые американцы верили, что страну могут погубить ирландские иммигранты-католики, которые считались враждебными американским ценностям элементами.

Партия не имела определенной позиции по проблеме рабства, что послужило причиной очередного раскола партии. К выборам президента США в 1860 г. большинство членов партии перешло в Республиканскую партию США. Так сформировалась действующая до сих пор классическая американская двухпартийная система.

Первые попытки формирования эффективных американских политических партий традиционно связывают с деятельностью лидера Демократической партии *Мартина Ван Бюрена* и его нью-йоркской «Олбэни Ридженси» – партийной машины, основанной на жесткой дисциплине, четком руководстве, подчинении личных интересов партийной борьбе. Сами по себе сложности партийного строительства в Нью-Йорке в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX ст. заслуживают особого внимания, так как проливают свет на актуальный во все времена вопрос о формировании одного из важнейших элементов американской политической системы. Что же касается проблемы восприятия политических партий, то к ней Ван Бюрен имеет самое непосредственное отношение: он традиционно характеризуется как первый политический лидер Америки, принявший идею о позитивной роли партий. Сам М. Ван Бюрен принадлежал к новому поколению политических лидеров, отличавшемуся от поколения отцов-основателей по многим параметрам. Выходец из небогатой и незнатной семьи, он пробивал себе дорогу, опираясь на качества, которые постепенно сформировали из него политика нового американского образца: упорство и способность к компромиссам, знание человеческой психологии и развитое политическое чутье. Не семейные связи и образование, не слава ратных подвигов и магнетизм личности привели Ван Бюрена в Белый дом. Своим выдвижением на передний план в политической борьбе и в конечном итоге избранием на президентский пост в 1836 г. он был обязан исключительно партийному механизму, во многом созданному им же самим. Причем своеобразное кредо М. Ван Бюрена состояло в идее приверженности политической партии, а не лидеру, и этому кредо он никогда не изменял [248].

М. Ван Бюрен в своей известной работе *«Автобиография»* подчеркивал, что политические партии могут оказаться «деморализованными, как это случается со всеми объединениями людей», если в них попадут люди, руководствующиеся «соображениями личной выгоды». Воспрепятствовать этому могут политики высоких личностных качеств, пользу-

ющиеся доверием членов партии и народных масс. Потенциальные возможности злоупотреблений внутри политических партий не должны давать повод к осуждению самих партий. «Многие готовы, – подчеркивал Ван Бюрен, – осуждать партии, когда их организация находится в оппозиции, но как только приходят к власти, забывают о своих прежних словах». Выражая уверенность в том, что сам он никогда не проявлял подобной непоследовательности, М. Ван Бюрен писал: «Все разумные люди знают, что политические партии должны обязательно присутствовать во всяком свободном государстве, во многих материальных отношениях они крайне полезны для страны... Трудно найти лучшее, чем партии, средство сдерживания предрасположенности к злоупотреблению властью, так глубоко укоренившейся в человеческих сердцах. Признание необходимости партий, оценка их по достоинству, служение делу развития своей партии, возвышению ее принципов и целей, поддержка ее со всеми силами ума и горячей верой – все это я всегда рассматривал как задачу, почетную для мужественного человека, как задачу, гармонирующую с характером нашего народа и нашими институтами. В соответствии с ней и надо строить свое отношение к проблеме политических партий, отношение честное и вдохновленное мудростью» [733, с. 125].

После Гражданской войны республиканцы неоднократно побеждали как на президентских, так и на парламентских выборах. Их поддерживали отставные военные, негры, иммигранты из Англии, протестанты. У демократов, наоборот, поддержка была в основном среди южан, католиков-ирландцев, фермеров и профессиональных союзов. Демократы отстаивали ограничение роли правительства и расширение прав штатов.

Постепенно американские политические партии устойчиво утвердились на политической арене страны в качестве ведущих политических организаций, а партийная принадлежность заняла существенное место в политическом сознании большинства граждан страны. Любовь к своей политической партии переходила от отца к сыну. Яркие мероприятия в ходе различных партийных кампаний, марши одетых в униформу сторонников той или иной политической партии, карнавалы и парадные факельные шествия стали неперенными атрибутами общественной жизни многих регионов Америки.

За годы становления обеих политических партий мало изменились их основные идеологические концепции. Республиканцы, как правило, ориентируются на богатых, образованных и консервативных избирателей. Демократы находят поддержку среди менее образованных и более либеральных американцев. Республиканцы в центр своей политики ставят ценности семьи, индивидуализм, надежную обороноспособность страны, минимальное вмешательство государства в экономику и ограничение регулирования деятельности большого бизнеса. Демократы видят роль правительства как некоего «социального арбитра», который должен обеспечивать социальную справедливость и занятость. Конечно, внутри каждой американской политической партии существует большой разброс мнений по важнейшим политическим проблемам, и говорить о какой-либо идеологической монолитности крайне сложно.

Первые *массовые политические партии* в Европе начали формироваться во второй половине XIX в. От политических клубов они отличались тем, что были ориентированы на осуществление постоянного, длительного и широкого политико-идеологического воздействия на общество, на рекрутирование в свой состав как можно большего числа членов, оперировали значительным арсеналом средств политической деятельности (агитация, пропаганда, воспитание, политическое просвещение и др.). Развитие промышленности и крупной торговли вывело на политическую арену новый социальный класс. Торговцы, банкиры и промышленники получили реальный доступ к политической власти и составили в этом конкуренцию аристократии.

По мнению известного российского исследователя *Сергея Посудина*, можно выделить негативный, позитивный и нейтральный подходы к политическим партиям. Сторонниками

негативного подхода являются Т. Гоббс, Д. Юм, М. Робеспьер, А. де Токвиль, Дж. Вашингтон, Дж. Мэдисон, В. Вильсон, М. Острогорский, И. Ильин и др. Сторонниками позитивного подхода в целом можно считать Б. Франклина, Ш. Монтескье, А. Руге, Э. Берка и др.

Как утверждает С. Посудин, основные аргументы сторонников негативного подхода следующие:

- формализм: партийная система недемократична по своей природе, она демократизирована лишь с виду; партийное строение усиливает слабости демократии и сводит ее на нет; демократия вырождается именно через партийное строение;

- тенденция партий к осуществлению монополии в обществе: рано или поздно появляется партия, которая стремится монополизировать власть, и это ей удастся;

- партия – это всегда часть целого, т. е. часть общества; партия всегда остается меньшинством по отношению к обществу в целом, но посягает эта часть общества на все целое, на власть в государстве; она стремится навязать государству свою программу вопреки желанию всех остальных граждан; партия – это меньшинство, которое навязывает (по крайней мере, стремится навязать) свою волю большинству;

- партии из средства достижения целей превращаются в саму цель;

- партии разъединяют общество, разделяют народ на противоборствующие группы.

Основные аргументы сторонников позитивного подхода:

- признание законности партий обусловлено признанием законности разнообразных мнений в обществе;

- партии – это неотъемлемый элемент демократии, они аккумулируют, выражают и отстаивают интересы граждан в органах власти, являясь своеобразным мостом, посредником от общества к государству;

- партии способствуют процессу социализации личности;

- партии преследуют общую цель – общественное благо, они продвигают и реализуют национальные интересы.

В современной политологии доминирует нейтральный подход. Современные политологи изучают политические партии, не задаваясь вопросом: партия это зло или добро. Они относятся к партиям как к данности: партии существуют и поэтому их надо изучать [519].

Подводя некоторые итоги, можно назвать четыре основные причины возникновения массовых европейских политических партий. Это, во-первых, распространение всеобщего избирательного права, существенно расширившего возможность участия в политике. Расширение избирательного корпуса привело к тому, что выборы перестали быть внутренним делом буржуазии. В этих условиях изменилась организационная и функциональная структура политических партий, стали более совершенными формы и методы их деятельности. Борьба за массы заставила буржуазные партии отказаться от элитарности, замкнутости, выйти за пределы парламента, чтобы в условиях резкого расширения избирательного права оказывать постоянное идеологическое и политическое воздействие на избирателей для привлечения на свою сторону. Так, в Англии избирательным правом в 1830 г. пользовалось 200 тыс. человек, в 1832 г. – 600 тыс., а в 1883 г. – уже 9 млн граждан.

Вторая важная причина – выход на политическую арену новых социальных сил в лице так называемых «низших классов», прежде всего – мелкой буржуазии и рабочего класса и в значительно меньшей степени – крестьянства, являвшегося классом добуржуазного общества и в новом индустриальном, буржуазном обществе обреченного на исчезновение. Рабочий класс и мелкая буржуазия к середине XIX в. довольно четко осознавали свои политические и социальные интересы, но по-прежнему оставались отстраненными от непосредственного участия в деятельности властных структур. Именно этот «зазор» между необходимостью в отстаивании своих политических интересов и отсутствием условий для

их удовлетворения создавал благоприятную почву для появления новых внепарламентских организаций, обладающих всеми признаками политических партий.

Еще одной существенной причиной появления массовых политических партий стало организационное развитие и сплочение рабочего класса. Это проявлялось амбивалентным образом. С одной стороны, организующийся пролетариат создавал массовые партии, защищавшие его интересы в парламенте и вне его. С другой стороны, просматривалась стремление традиционных политических структур противопоставить растущей численности и авторитету пролетарских партий соответствующим образом трансформированные собственные организационные политические организации. До создания специфических политических организаций в виде партий пролетариат не имел реальной возможности защищать свои интересы в представительном органе.

В 1848 г. в *«Манифесте Коммунистической партии»* была обнародована концепция принципиально новой политической организации – классовой партии пролетариата [122]. Используя ее, рабочее движение внесло существенный вклад в развитие организационных форм партий, создав классический тип с массовым членством, разветвленной сетью местных организаций, строгим уставом, периодическими съездами и фиксированными размерами членских взносов. Рассуждая о причинах, сделавших необходимым появление политических партий, В. И. Ленин писал: «Для того, чтобы масса определенного класса могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса» [427, с. 37].

В 1863 г. в Германии была создана первая массовая рабочая партия «Всеобщий Германский Рабочий Союз», основанная Фердинандом Лассалем, а затем, в 1869 г., – Социал-демократическая партия Германии.

Четвертой важной причиной образования массовых партий стало существование значительных конфликтов между различными общественными группами, которые практически невозможно было решать традиционными способами. Классический пример – острый конфликт между торгово-финансовыми кругами северо-востока и плантаторами юга США. Создание и успешное функционирование партийных систем способствовало образованию специфического механизма ненасильственного разрешения имеющихся противоречий. Таким образом, в США решение многих конфликтов было перенесено на парламентскую арену.

Всеобщее избирательное право привело к созданию партийных организаций на местном уровне. Появилась новая категория элиты: те, кто имел власть в партии, получали власть и в обществе. При этом данные партийные лидеры могли и не быть парламентариями или аристократами.

Политические партии постепенно начинали жить собственной жизнью. Нередко партийная элита контролировала целые секторы общественной жизни – от социальных льгот и местных законов до назначения высокопоставленных государственных служащих. Такая модель типична для американской политической системы начала XX в.

Западные политические партии рождались на фоне острых сословных и классовых конфликтов, являясь одновременно и их продуктом, и активными участниками парламентской и внепарламентской политической борьбы. Буржуазные революции служили катализатором оформления различных партийно-политических группировок.

В 60-е гг. XIX в. произошло формирование политических партий в созданном Отто фон Бисмарком Германском союзе. Партия самого О. Бисмарка получила название консервативной. Ее союзницей стала имперская партия, созданная немецкими промышленниками и финансистами. В центре расположились национально-либеральная партия и партия герман-

ской интеллигенции под оригинальным названием «Партия свободомыслящих». Несколько в стороне от центра политической жизни страны оказалась католическая партия, действующая на территории Баварии. Здесь же было образована и первая массовая рабочая партия.

Происходит активное образование политических партий парламентского типа и в других странах. В 1874 г. была создана первая политическая партия Японии – *Айкоку кото* (*Общество патриотов*). Сразу же после формирования она представила правительству декларацию, призывающую создать в стране представительные законодательные органы власти. Первые в стране всеобщие выборы состоялись 16 лет спустя, 1 июля 1890 г., а первая сессия парламента была созвана 29 ноября того же года. Японский парламент стал первым национальным законодательным органом в Азии. В последующие десятилетия росло влияние политических партий в государственных делах, однако всплеск милитаризма в период, предшествующий Второй мировой войне, привел к подрыву влияния партий и, в конечном счете, к их временному роспуску. Послевоенная демократизация Японии способствовала возникновению широкого спектра политических партий. Появилось несколько буржуазных партий, среди которых важнейшими стали Либеральная и Демократическая. Были сформированы Социалистическая и легализованная теперь Коммунистическая партия.

В 80-е гг. XIX в. возникает крупнейшая на Востоке партия – *Индийский национальный конгресс*. Наряду с партиями парламентскими, ставящими своей задачей участие в выборах и деятельность в высших представительных органах государственной власти, образуются рабочие партии – социалистические и социал-демократические. Большая часть подобных партий уже в начале XX в. широко использует парламентскую тактику, активно включается в политический процесс, участвует в выборах. Примером является Лейбористская партия Великобритании, которая уже в 20-е гг. XX в. заняла место либералов в двухпартийной политической системе, сформировавшейся в стране. Часть подобных партий занимала леворадикальные, революционные позиции и выступала под лозунгами насильственного свержения существующего порядка.

Постепенно стали возникать христианско-демократические и другие конфессиональные партии, а также политические партии, ставившие своей целью национальное освобождение.

К началу XX в. некоторые партии достигли высокого даже по современным меркам уровня массовости. Социал-демократическая партия Германии насчитывала в 1913 г. около одного миллиона членов, а на выборах в рейхстаг в 1912 г. получила 35 % голосов, ее поддерживали более 4,5 млн человек [74, с. 260].

В царской России политические партии возникли значительно позже, чем на Западе. На скорость и направленность процессов создания политических партий в России в первую очередь существенно влияли сословно-феодальные институты, власть самодержавия, запоздалое развитие капитализма, отставание процессов становления гражданского общества, институтов парламентаризма и правового государства и др. Отметим, что процесс создания политических партий в России проходил под явным влиянием Запада, в чем-то повторял его, но вместе с тем имел и свою национальную специфику. Он шел с явным запозданием по сравнению с западноевропейскими странами и США, причем западные и отчасти южные национальные окраины Российской империи обгоняли в этом отношении ее центральные районы. Тон здесь задавали Финляндия и Польша. Своеобразные партийные группировки в Польше, например, сформировались еще во время национальных восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. [98; 158].

Революционные политические партии возникли в России раньше либеральных и консервативных партий. Либералы предпочитали использовать для выражения своих идей и взглядов земства, научные общества типа Вольного экономического или Географического, различные культурно-просветительские организации, литературу и печать. Консерваторы

долгое время вообще не испытывали необходимости в создании собственных политических организаций, так как на них работали царское самодержавие, его бюрократическая система и идеологический аппарат, а также церковь, дворянские корпоративные организации, культурно-просветительское Русское собрание. Первая российская политическая партия – *Российская социал-демократическая рабочая партия* была основана в Минске в марте 1898 г. На съезде присутствовали 9 делегатов от петербургского, киевского, екатеринославского «Союза борьбы», группы «Рабочей газеты» и «Всеобщего еврейского рабочего союза Польши, Беларуси и Литвы» (Бунда). Съезд провозгласил создание РСДРП, избрал Центральный Комитет. Вскоре был выпущен «*Манифест Российской социал-демократической рабочей партии*».

После съезда российская социал-демократия пережила полосу глубокого кризиса. В конце 90-х гг. XIX в. социал-демократическое движение встало перед альтернативой: либо сосредоточить все свои усилия на улучшении экономического положения рабочих (экономисты), либо готовить пролетариат к революционному свержению самодержавия. Это и определяло различное отношение к организационным принципам построения партии. Для решения этих вопросов решено было созвать новый съезд партии.

II съезд РСДРП состоялся в июле – августе 1903 г. в Брюсселе, а затем – в Лондоне. Главной задачей его было принятие программы и устава партии.

Проект программы партии был коллективным (Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод, Потресов, Засулич) и широко обсуждался на страницах «Искры». Теоретическая часть программы начиналась с марксистского тезиса о том, что производственные отношения достигли такого уровня развития, когда капитализм стал тормозом на пути дальнейшего прогресса. Программа состояла из двух частей: программы-максимум и программы-минимум.

Конечной целью социал-демократии (*программа-максимум*) провозглашалось:

осуществление социалистической революции;

установление диктатуры пролетариата (диктатура пролетариата определялась как «завоевание пролетариатом политической власти»);

социалистическое переустройство общества.

Ближайшей политической задачей (*программа-минимум*) была буржуазно-демократическая революция.

Эти требования, выражая интересы рабочих, крестьян, широких мелкобуржуазных слоев народа многонациональной России, создавали основу для широкой социальной базы партии.

Для Российской социал-демократической партии характерны типичные для всех российских политических структур того времени черты: утопизм политической программы, крайне негативное отношение к существующему самодержавному режиму, стремление к его полному разрушению. Все это сочеталось с признанием государства главным средством построения социализма как справедливой общественной формации. Это выразилось в программном требовании диктатуры пролетариата. Ориентируясь на рабочий класс, РСДРП выражала интересы многих социальных групп огромной страны, находившейся в переходном состоянии.

В то же время РСДРП имела существенные отличия от других политических партий России. В. И. Ленин пытался создать ее, основываясь на двух основополагающих концепциях. Согласно первой, «без революционной теории не может быть и революционного движения», т. е. нужна партия, созданная интеллигентами и хотя бы на первых порах состоящая в основном из них. Зиновьев писал, что рабочие в партийной организации на начальном этапе революции были «единичными фигурами». Во-вторых, «социал-демократическое сознание» или «классовое политическое сознание» не может вырасти из стихийности, а может быть привнесено рабочему только извне. Партия рассматривалась как револю-

ционная элита, которая должна формировать революционную сознательность рабочих масс. Главная функция пролетарской партии – руководство рабочим классом. Центральное место в программе партии занимала проблема власти. Высокая степень организованности, наличие сильного, нетерпимого, бескомпромиссного, профессионального лидера с гениальной ясностью мысли, уверенной настойчивостью и полемическим темпераментом, подчиняющего личные отношения интересам политической деятельности, сочетающего мощную политическую волю с мастерством популизма, строгая дисциплина среди членов партии, тактическая и организационная гибкость привели к тому, что РСДРП сыграла огромную, сложную и противоречивую роль в историческом развитии российского общества в XX столетии.

На II съезде представители РСДРП разделились на большевиков во главе с В. И. Лениным и меньшевиков во главе с Ю. О. Мартовым и Г. В. Плехановым. В основе разногласий лежали разные концепции партийного строительства. В. Ленин требовал создания строго централизованной партии, состоящей из профессиональных революционеров, которые должны увести рабочий класс с пути экономической борьбы, привить ему социалистическое сознание и подтолкнуть к осуществлению пролетарской революции, т. е. создания кадровой партии в классическом понимании этого термина. Ю. Мартов, напротив, был сторонником создания демократической организации европейского типа – массовой партии. Кстати, такой стала КПСС через несколько десятков лет.

Эти разногласия выявились во время обсуждения первого пункта устава партии. В. Ленин предложил его в следующей редакции: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в работе одной из партийных организаций». Ю. Мартов представил альтернативную формулировку: «Членом Российской социал-демократической партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций». Формально расхождение между проектами было небольшим, но принципиально важным. В. Ленин видел партию организацией профессиональных революционеров, постоянно и целенаправленно работающих в ней. После долгих споров Ленин потерпел сокрушительное поражение. За его формулировку первого пункта устава партии проголосовали 23 делегата съезда, против – 28. Однако вскоре ситуация на съезде резко изменилась. Члены еврейской организации Бунд покинули съезд после того, как было отклонено их предложение представителем еврейского пролетариата в партии сделать исключительно Бунд. Теперь сторонники Ленина оказались в большинстве. Это особенно четко проявилось в голосовании по выборам руководящих органов партии. На основании их результатов составившие большинство победители получили название «большевики», их противники – «меньшевики» [79; 98].

Впоследствии именно партия большевиков «перевернула» Россию, превратила «лапотную» страну в великое государство, создала общество без эксплуатации и насилия, воспитала сотни тысяч строителей новой жизни – социалистического строя. Постепенно партия стала организацией идеалистов и фанатиков, отважных, верных великой идее людей, для которых служение народу и революции было смыслом их жизни, которые отличались своей убежденностью. Еще Маяковский писал: «Если бы выставить в музее плачущего большевика, весь день бы в музее торчали ротозеи. Еще бы – такого не увидишь и в века!» [цит. по: 119].

В 1902 г. на основе национально-культурных кружков белорусской учащейся и студенческой молодежи, которые существовали в Минске, Петербурге, Вильно, была создана первая белорусская революционная партия под названием «*Белорусская революционная громада*». Ее создателями и руководителями были братья Иван и Антон Луцкевичи, Э. Пашкевич, А. Бурбис, К. Кастровицкий, В. Ивановский и др. Происходили они из шляхты, фактически же относились к интеллигенции.

Одной из влиятельных политических структур в Беларуси был созданный в 1897 г. *«Всеобщий еврейский рабочий союз Польши, Беларуси и Литвы»* – Бунд. Теоретической основой для объединения кружков мелких ремесленников явился доклад Ю. Мартова *«Поворотный пункт в еврейском рабочем движении»*, в котором был сделан вывод о необходимости отдельной еврейской партии. Бунд – это социал-демократическая организация. Он участвовал в работе I съезда РСДРП (3 делегата из 9) и вошел в РСДРП на правах автономной партии. Однако лидеры Бунда проповедовали сионистскую идею всемирной нации и еврейскую национальную специфичность и в соответствии с этим создание организации рабочих по национальному признаку. Поэтому вскоре после I съезда РСДРП Бунд начал отзывать еврейских рабочих из межнациональных организаций и в итоге объявил себя самостоятельной партией, которая связана с РСДРП лишь союзническими отношениями. Бунд прекратил свое существование в 1921 г.: часть его членов примкнула к большевикам, часть – к антибольшевистскому движению.

В начале прошлого столетия в России сложилась реальная предреволюционная ситуация. В политическом отношении царская Россия в конце XIX – начале XX в. представляла собой монархию с неограниченным самодержавием. Стремясь к буржуазной монархии, Россия сохранила все атрибуты абсолютизма. Закон по-прежнему провозглашал: «Император российский есть монарх самодержавный и неограниченный». Николай II был убежден, что царская власть от бога, и считал, что самодержавие – единственная форма правления, приемлемая для России. Налицо были и глубокое недовольство народных масс, и постоянно подогревавшие его революционные и оппозиционные движения и организации, и признаки явной неспособности власти контролировать политическую ситуацию в стране. Неудачная для России война с Японией 1904–1905 гг. еще больше дискредитировала царизм в глазах собственного народа и на международной арене. Самодержавие не хотело идти на серьезные уступки народу. В России отсутствовали элементарные демократические свободы, социальное неравенство дополнялось сословным, власть царя оставалась практически неограниченной. В стране отсутствовал парламент, не было свободы слова, собраний, печати, независимых средств массовой информации. Политические партии и организации могли создаваться и действовать лишь нелегально, подвергаясь гонениям со стороны царских властей. Однако Николай II не соглашался на представительный образ правления, считая его вредным для «вверенного нам Богом народа» [28; 98].

Выразителями общественного недовольства самодержавным строем и организаторами народного протеста в России стали радикально настроенные революционные партии: социал-демократы, возникшая в начале столетия неонародническая партия социалистов-революционеров (эсеров), еврейский Бунд, польские социалисты и социал-демократы, армянский «Дашнакцутюн» и др. Более радикальную окраску стало принимать и либеральное движение, внутри которого на рубеже 1903 г. оформились либерально-демократический Союз освобождения и более умеренный, но тоже эволюционировавший влево Союз земцев-конституционалистов. Новые партии возникли в начале века и в национальных районах империи: Революционная украинская партия; Белорусская революционная партия; Литовская демократическая партия; Партия социалистов-федералистов Грузии; Партия активного сопротивления Финляндии (1904) и др. [28; 98; 158].

Наибольший рост численности политических структур в России пришелся на подъем революционного движения в 1905 г. Начало этому процессу положил царский манифест от 17 октября 1905 г. Сразу после его обнародования были созданы партия октябристов, партия социалистов-революционеров, партия народных социалистов и некоторые другие российские партии, сыгравшие важную роль в жизни страны. Оппозиционные организации и политические партии заняли заметное место на политической арене, что проявилось в их активности на первых выборах в первую Государственную думу. В политической жизни Рос-

сии в первой четверти XX в. в разные периоды времени действовало уже около девяноста политических партий [158].

Во главе Великой Октябрьской социалистической революции была *партия большевиков* – партия, которая стремилась сделать всех людей богатыми и счастливыми, образованными и культурными. Ей верили, за ней шли люди. Она завоевала авторитет. Вот что писал известный американский писатель Марк Твен о русских революционерах: «Какое величие души! Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и в конце концов на смерть только ради блага других – такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России. История изобилует мучениками, но, кроме русских, я не знаю таких, которые, отдавая все, совсем ничего не получали бы взамен» [цит. по: 357].

Советская власть с каждым днем крепла. *Борис Савинков* писал: «Да, Россия разорена войной и величайшей из революций. Да, чтобы поднять ее благосостояние, необходима напряженная и длительная работа. Но большевики уже приступили к этой работе, и страна поддержала их. Лучший пример – Донбасс. Почему же предполагать, что белые работали бы быстрее? Мы ведь знаем, как “восстанавливались” Юг и Сибирь. Нет, возлагать надежды на белых, на эмиграцию, все равно что тешить себя легендой – легендой о полном финансовом и экономическом банкротстве большевиков. Власть, которая создала армию, разрешила сложнейший национальный вопрос и защищает русские интересы в Европе – русская, заслуживающая доверия власть. О разорении страны уже не может быть речи. Речь идет о восстановлении ее» [175].

Многочисленные враги Советской власти внутри России были вынуждены признать, что она оказалась намного сильнее, чем они думали раньше. Поэтому для уничтожения Советской власти необходимы серьезные усилия и целенаправленная и ожесточенная борьба всех антисоциалистических сил. Кроме того, в условиях перехода от одного качественного состояния общества к другому обострились многие внутренние противоречия. Это привело российское общество к середине 1918 г. к глубокому внутреннему расколу. Выделилось леворадикальное советское крыло (часть рабочих, деревенская беднота, сторонники Советов на окраинах), которые делали все возможное для победы социалистической революции. Ему противостояли политические партии, которые не считали необходимым социалистическое переустройство российского общества. Подавление оппозиции вело к тому, что дальнейшая политическая борьба стала развиваться в плоскости гражданской войны.

И это в условиях, когда антисоветские силы существенно выросли в результате поддержки их интервентами. В марте 1918 г. на севере, сначала в Мурманске, затем в Архангельске, с военных кораблей высадились британские, американские, канадские, итальянские, сербские войска. В апреле во Владивостоке высадились японские войска. Вслед за ними появились военные отряды Англии и США. К осени весь Дальний Восток был захвачен интервентами [21; 98].

После разгона Учредительного собрания В. Ленин на последующем заседании ВЦИК заявил: «Власть принадлежит нашей партии, опирающейся на доверие широких народных масс». Так был обозначен курс на однопартийную монополию в государстве.

Гражданская война обусловила необходимость введения чрезвычайных мер для решения многочисленных проблем, которые были вызваны правительствами стран, воевавших в Первой мировой войне. Они заключались в государственной монополии на важнейшие продукты питания и товары широкого потребления, их нормированном распределении, трудовой повинности, твердых ценах, установлении разверсточного метода отчуждения сельскохозяйственного продукта от сельского населения. Большевики превратили эти меры в методы утверждения диктатуры пролетариата. Была создана система управления армией и обществом в форме военных комиссариатов и «военного коммунизма».

В таких условиях РКП(б) стала «воюющей партией», стремящейся установить в стране однопартийный порядок. На VIII съезде РКП(б) (1919 г.) отмечалось, что РКП должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой. К концу гражданской войны В. Ленин в работе *«Детская болезнь левизны в коммунизме»* пришел к выводу о том, что диктатура пролетариата возможна не иначе, чем через диктатуру партии. Советы, профсоюзы и другие организации должны были выполнять функции приводов от партии к массам [425].

РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е гг. постепенно превращается из политической партии в особый социальный и политический организм советского общества. Политика по отношению к другим партиям характеризовалась крайней нетерпимостью, несмотря на то, что многие группы меньшевиков, эсеров, анархистов неоднократно заявляли о своем желании легализоваться и сотрудничать с большевиками в деле хозяйственного возрождения и социалистического строительства.

В данный период кризисные явления распространились и на партию. Это проявилось в острых разногласиях, расколовших РКП(б) по *вопросу об отношении к профсоюзам* и их роли в государстве диктатуры пролетариата, хотя тогда он не был главным вопросом партийной политики [21; 98].

Застрельщиком дискуссии и борьбы против В. Ленина, против ленинского большинства ЦК стал известный международный российский деятель, в то время «коммунист № 2» *Лев Давыдович Троцкий*. Он выступил на заседании коммунистов – делегатов V Всероссийской конференции профсоюзов в начале ноября 1920 г. с лозунгом о «завинчивании гаек» и «перетряхивании профсоюзов». Л. Троцкий выдвинул требование немедленного «огосударствления профсоюзов». Он был против метода убеждения рабочих масс и выступал за перенесение военного метода в профсоюзы. Троцкий был против развертывания в профсоюзах демократии, против выборности органов профсоюзов. Вместо метода убеждения, без которого немыслима деятельность рабочих организаций, троцкисты предлагали метод голого принуждения, жесткого командования. Своей политикой троцкисты, наделенные полномочиями руководителей профсоюзов, вносили конфликты и раскол, настраивали беспартийную массу рабочих против партии [192; 542].

Известный белорусский писатель и публицист *Эдуард Скобелев* в исследовании *«Читая Троцкого»* пишет: «Троцкий – одна из тех исторических фигур, которые еще при жизни тщательно накачивались славой: слишком велики ставки в политической игре, которую вела эта фигура, слишком многообразны связи, которые она выражала» [542, № 12, с. 32].

Тем временем в Советском Союзе постепенно начала формироваться однопартийная система, предполагавшая фактическое слияние государственных и партийных структур. Так, уже в ноябре 1917 г. Декретом Совнаркома России была объявлена вне закона партия кадетов. В 1918–1919 гг. целенаправленным нападениям подверглось руководство и актив октябристов, эсеров, а также большое количество меньшевиков. С 1917 г. по конец 1920-х гг. политические партии социалистической ориентации (максималисты, левые эсеры, анархисты) принимали активное участие в работе Советов депутатов различных уровней. Однако в начале – середине 1920-х гг. большинство из некоммунистических партий объявили о своей самоликвидации. С начала 1930-х гг. и вплоть до середины 1980-х любые попытки создания альтернативных организаций рассматривались как проявление антисоветской деятельности [138].

Уничтожив многопартийность, большевистская партия стала вести активную борьбу против различных мнений и в своих собственных рядах. Этот процесс, начавшийся в 1921 г., когда X съезд партии запретил свободу фракций и группировок в РКП(б), был продолжен борьбой против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев (правых уклонистов), «рабочей оппо-

зиции», группы Рютина и других оппозиционеров во второй половине 20-х – начале 30-х гг. прошлого столетия. Было полностью ликвидировано ленинское ядро в РКП(б). Начались репрессии против простых крестьян, которых называли кулаками, против интеллигенции, представителей некоторых национальных меньшинств.

Слова партийного гимна «Интернационал» «кто был ничем, тот станет всем» были восприняты слишком буквально: люди, которые еще вчера были «ником», сегодня из-за элементарной зависти отправляли зажиточных и работающих крестьян на Соловки, талантливых ученых – за границу. Л. Троцкий в известной работе «Как вооружалась революция» писал: «Вчера еще человек массы, он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придатком машины фабрикантов. В крестьянском быту он был только тяглом, плательщиком налогов. Сегодня, освободившись от этого, он впервые почувствовал себя личностью и начинает думать, что он – все, что он – центр мироздания. Он стремится взять для себя все, что может, думает только о себе и с народной классовой точкой зрения не склонен считаться. Отсюда – разлив дезорганизаторских настроений, индивидуалистических, анархических, хищнических тенденций, которые мы наблюдаем особенно в широких кругах деклассированных элементов страны» [192, с. 39].

Такой подход нанес огромный ущерб как Российской коммунистической партии, так и коммунистическому движению в целом.

Вопрос о возможности многопартийности в стране был окончательно закрыт И. В. Сталиным. Выступая с Докладом о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, он заявил: «Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы... В СССР имеются только два класса: рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот – дружественны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии» [555, с. 523].

Изменения общественно-политической ситуации, глубинные социальные процессы и подъем политической активности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. обусловили появление в СССР неформального движения и его поэтапную эволюцию к более совершенным организационным формам. Начиная с 1988 г. в Советском Союзе шел спонтанный процесс образования партий, создавались народные фронты, движения, политические клубы, а с 1990-х – и легальные политические партии.

Современная или «новейшая» партийная система Республики Беларусь существует около двадцати лет. Важнейшей особенностью нынешнего этапа развития белорусского общества является рождение новых политических партий, общественных движений и организаций. Многие партии, не просуществовавшие и нескольких месяцев, распались, не оставив существенного следа в политической жизни белорусского общества. Другие партии, доказавшие свою жизнеспособность, постепенно становятся устойчивыми политическими структурами, стремятся оказывать постоянное влияние на социально-политическую ситуацию в стране посредством парламентских и других акций, ведут активную организаторскую, пропагандистскую и агитационную деятельность, пытаются занять важное место в общественно-политической жизни республики. Их деятельность в стране регулируется Законом Республики Беларусь «О политических партиях» [58]. Согласно этому Закону партия может быть зарегистрирована при наличии 1000 членов (учредителей) из большей части регионов страны. Членство в политических партиях страны фиксированное.

В настоящее время политические партии существуют во всех цивилизованных странах мира и представляют собой оружие в парламентской борьбе различных групп и слоев современного общества, важнейший инструмент формирования гражданского общества.

Типология политических партий как объект социологического анализа

Политические партии во всем многообразии обладают не только внешне схожими признаками, параметрами и функциями, но и определенными общими чертами. Это позволяет классифицировать их по различным основаниям, разработать типологию, создать специальную классификацию. Типология политических партий – многомерная классификация, представляющая целостную систему типов, объединенных неким общим началом, общей природой, происхождением, общей средой существования, сущностными свойствами. Тип политической партии – это такая система ее существенных признаков, в которых выражается социальная природа партии, ее идейная основа, главная социально-ролевая функция, особенности внутреннего устройства и преобладающий характер методов политической деятельности. Однако при определении типологии партий используется какой-либо один системообразующий, основополагающий признак. Его считают самым существенным и из него выводят остальные характеристики.

«Фиксированное множество политических проблем, – считает известный российский исследователь *Александр Кулик*, – образует систему *классификации*, в которой класс интерпретируется как некоторая область в n – мерном пространстве признаков, задаваемая совокупностью их значений. Место партий в нем определяется набором значений ее базовых характеристик (признаков) на множестве проблем, служащих основанием классификации» [416, № 3, с. 61].

Современная классификация политических партий возможна и необходима и в теоретическом, и в практическом отношениях. При этом классификация типов политических партий признается важнейшим приемом социологического исследования и выражает особенности методологического подхода к проблемам формирования современного института многопартийности. При всем многообразии вариантов типологии, возможностей их систематизации по различным критериям в социологической науке отсутствует универсальная схема классификации политических партий. Исходя из многообразия и наличия различных типов политических партий признается, что любая форма классификации носит условный характер. Теоретический анализ политических партий усложняется появлением новых типов политических партий.

Классификация политических партий позволяет сгруппировать их по сходным признакам или параметрам для выработки общих методов анализа политической деятельности, совершенствования управления и регулирования. Она обусловлена многими критериями социально-политического и идейно-нравственного характера. Среди них – цели и задачи партии, ее социальный состав, стратегия и тактика, в том числе взаимоотношения с властью, эффективность политических действий, электоральное поведение, национальные и религиозные доктрины, мотивы политического влияния партийных лидеров. В основу типологии современных политических партий могут быть положены и такие факторы, как классовая природа, политические цели, происхождение, внутренняя структура, особенности членства, положение в политической системе и др. С практической точки зрения классификация политических партий важна по трем причинам:

1) нахождение сходных партий по каким-либо параметрам помогает создавать конкретные методики для их анализа;

2) возможность определения их распределения по различным кластерам позволяет формировать более эффективное законодательство;

3) принадлежность партии к той или иной группе позволяет определить их отношение к политической деятельности, конкретным политическим событиям.

Одна из самых первых попыток классифицировать партии была предпринята в XVIII в. *Давидом Юмом*. Он типологизировал партии по признакам, объединяющим ее членов. Ему удалось выделить «партии по интересам», «партии по афоректам» (ориентированные на лидера), «партии по принципам». Д. Юм отдавал предпочтение третьему типу, так как эти партии основаны на общих идеях, которые по сравнению с другими критериями носят долгосрочный и неслучайный характер [596].

Известный французский историк и государственный деятель *Алексис де Токвиль* в работе «*Демократия в Америке*» предложил классификацию партий на основе взаимосвязи между политическими структурами и всеобщей социальной организацией. Придерживаясь негативной американской традиции, он утверждал, что не следует говорить о партиях в государствах с огромной территорией, где интересы отдельных социальных и национальных групп расходятся настолько, что превращают их в маленькие своеобразные народы. Чтобы появились политические партии, «малосовместимые со свободными правительствами», различия между социальными группами должны распространяться на всю страну.

В созданной Токвилем теории политических партий важнейшим параметром является спецификация различных фаз истории. В определенные исторические периоды народными массами овладевает идея коренного преобразования общества. Когда кризис существенно обостряется и происходят великие потрясения, наступает время «великих» политических партий. Они, вдохновленные моралью гражданственности, выходят на авансцену политики, формируют общественное мнение и способны спасти государство от катаклизмов, они имеют принципы, идеи, смелость, убежденность в правоте дела, способны решать крупные проблемы. В периоды относительной политической стабильности, когда, по словам А. де Токвиля, «история близка к завершению», наступает время «малых партий», которые своими интригами раскачивают государство, развращают общество, «сеют смуту» и рознь в обществе. А вообще «партии – вот зло, присущее свободным правлениям» [189].

Немецкий классик социологии *Макс Вебер* первым из большого количества политических партий выделил две пары партийных типов на основании стратегии реализации исходных целей группировок (патронажный и мировоззренческий) и принципов внутренней организации (партия знати и массовая партия). Партии патронажного типа стремились обеспечить своему лидеру важный пост в государстве, для того, чтобы он в свою очередь гарантировал своим последователям высокие государственные посты после победы. Политические партии такого типа не придерживались какой-то более-менее внятной идеологии, использовали в своих программных заявлениях те положения, которые обладали наибольшей воздействующей силой на избирателей. Задачей мировоззренческих политических структур была реализация определенных политических идеалов, хотя это также не исключало возможности поддержки со стороны своего патрона. Партии знати являлись господствующим партийным типом до введения всеобщего избирательного права, представляя собой персональную сеть друзей и клиентов местной элиты, образующую ядро таких объединений. С расширением избирательного права на политическую авансцену вышли массовые партии, создавшие постоянные членские организации и ставшие связующим звеном между новым электоратом и важнейшими государственными и политическими институтами [26, с. 88].

Типология политических партий в работах *Карла Маркса*, *Фридриха Энгельса* и их последователей зиждется на социально-классовых основаниях. Рассматривая политические партии как организационно-политическую форму выражения классовых интересов, марксисты исходят из первичности экономических потребностей классов и классовых противоречий по отношению к другим факторам. В рамках марксистской теории классовая сущность политической партии является системообразующим, наиболее фундаментальным, устойчи-

вым признаком, определяющим содержание и формы деятельности партий, в то время как все остальные параметры изменчивы и подвергаются постоянным изменениям.

Известный российский исследователь *Павел Берлин* предложил классификацию политических партий в соответствии с видами социальных интересов. Причем в основу своей классификации он положил капиталистический строй. Все политические партии делятся на типы в зависимости от своего отношения к данному общественному строю:

реакционные партии, которые влекут капиталистический строй к изжитым формам докапиталистического общества;

консервативные партии, стремящиеся сохранить в нынешнем строе те элементы и отношения, которые, по крайней мере, мешают дальнейшему движению вперед, тормозят его;

либеральные партии, стремящиеся к наибольшему развитию капиталистического строя, борясь с такими угрозами, которые вырабатывает сам капиталистический строй;

демократические партии, стремящиеся в пределах капиталистического строя улучшить жизнь широкой массы;

социалистические партии, опирающиеся на те элементы, которые, создаваясь под воздействием капитализма, разлагают последний, стремятся к замене капиталистического строя социалистическим [14, с. 72–73].

Анализируя типологию политических партий и их эволюцию под влиянием субъективных факторов и объективных условий, П. Берлин приходит к выводу, что, «вырастая на почве классового расчленения общества, основные политические партии дают новые ответвления, питаемые отчасти расхождением социальных интересов внутри одного и того же класса, а отчасти недостаточным развитием классового сознания. Эта последняя причина ведет к тому, что в каждой политической партии есть для классового анализа иррациональные причины, так сказать, в классовом отношении неменяемые элементы. По мере дальнейшего культурного развития число подобных элементов все уменьшается и политические партии все более и более начинают соответствовать социальным классам» [14, с. 109–110].

В основе *ленинской классификации*, базирующейся на классовом подходе, лежит деление политических партий на пролетарские, мелкобуржуазные, помещичьи, монархические. В работе *«Опыт классификации русских политических партий»* В. Ленин предложил несколько иную классификацию: черносотенцы, октябристы, кадеты, трудовики, социал-демократы [430, с. 21–22].

Тот же принцип классового деления использует в своей *«Таблице русских политических партий»* Е. Черский. Он создает своего рода классификатор – матрицу, подразделяя партии «по вертикали» в соответствии с их положением в политическом спектре, а «по горизонтали» в соответствии с отношением к общим принципам, лидерам, программе, организации, тактике, пропаганде, вопросам войны, мира и государственного устройства России. В «Таблице» перечислены 16 российских политических партий – субъектов политического процесса, отражавших весь спектр российского общества того времени: от Святой Руси (бывшего Союза русского народа) справа до анархистов-синдикалистов на левом фланге [185, с. 126; 210].

Ю. Мартов брал за основу отношение партий к существующей государственной системе, формам и методам ее реформирования. Отсюда – их деление на реакционные, умеренно-консервативные (октябристы), либерально-демократические (кадеты), революционные [123; 124].

Известный исследователь *Фридрих Ромер* создал теорию партий, которая в свое время пользовалась значительной популярностью. По Ф. Ромеру, радикальная партия соответствует подростку, либеральная – юноше, консервативная – мужчине, абсолютистская – старику. Правильную позицию занимают лишь две средние партии. Радикальный принцип

«необуздан, как подросток», абсолютистский – «бессилен, как старик». «Происхождение партий, – считает Ромер, – обусловлено органическим развитием человека, т. е. возрастными ступенями человеческого духа» [67, с. 56–57].

Немецкий политолог и социолог *Макс Вебер* выделил основные этапы процессов создания, формирования и развития политических партий, результатом которых является формирование партий-корпораций, включающих в себя:

- протопартийные организации с элементами клики;
- дворянские партии, к которым близко примыкали партии «уважаемых людей»;
- временно организованные группировки для победы на выборах;
- джентльменские партии;
- нерегулярные политические союзы;
- локальные политические клубы, образованные вокруг избранных участников;

современные политические партии, когда из временных партии превращаются в постоянные, становятся корпорацией с разросшимся партийным аппаратом, капиталистическим предприятием [26].

Современная социологическая наука исходит из наличия трех политических направлений в общественно-политической жизни царской России: правительственной, либерально-оппозиционной (буржуазно-либеральной), революционно-демократической (мелкобуржуазные или пролетарские – социал-демократические¹ и народнические политические партии). Меньшевики определяют как «социал-демократию старого типа», т. е. как партию II Интернационала, как ортодоксальных консервативных марксистов, сторонников европеизированного марксизма и демократических методов социализма и т. д. [587].

Представляет интерес типология политических партий, предложенная известным норвежским политологом *Стэнном Рокканом*. С. Роккан построил партийно-политическую модель Европы на основе концепции идейно-политических разломов – кливажей. Он выделил четыре «критические точки» как главные организующие вехи на пути, который пришлось пройти всем государствам и политическим образованиям Западной Европы. Это Реформация, национальная революция (воздействие Французской революции), промышленная революция и «коммунистическая» революция. С. Роккана в первую очередь интересовали сдвиги в структуре властных союзов внутри правящих политических сил и среди элит. Именно поэтому он и рассматривал названные выше «критические точки» в качестве основных поворотных пунктов/точек расколов и объединений за последние 400 лет. В результате, исследователь начертил трехступенчатый путь создания восьми вариантов партийных систем. Позднее он совместно с С. Липсетом сформулировал тезис об «отвердении». С. Рокканом была высказана мысль о том, что в период около 1910–1920-х гг. под углом зрения электоральных и партийных систем все современные европейские государства достигли своей современной формы. Гипотеза «отвердения» была выдвинута в конце 60-х гг. прошлого столетия, и устойчивость европейских партийных систем, исходя из существовавшего тогда «положения дел», выглядела, по крайней мере, поразительной [421].

Известный американский ученый *Джеральд Помпер* утверждал, что современные «американские партии представляют собой беспорядочное переплетение... трех условных форм, и их крайне сложно отделить друг от друга» и рассматривал их как различающиеся по своим *целям* (сплоченные и коалиционные), *характеру* деятельности (инструментальные и экспрессивные) и *широте* охвата (элитарные и массовые) [702, с. 146].

Классики социологии политических партий *Ричард Гантер* и *Ларри Даймонд* в работе «*Виды политических партий: новая типология*» подвергли резкой критике существующие модели партийных структур. По их мнению, во-первых, существующая типология полити-

¹ Большевики, меньшевики, партия Бунда и др.

ческих партий устарела и не отвечает современным требованиям, во-вторых, практически все типы партий разработаны на основании множества критериев, что делает их достаточно сложными для теоретического осмысления. *Р. Гантер* и *Л. Даймонд* предложили новую типологию партий, в основу которой они положили следующие критерии: формальная организация партии, программные установки, особенности стратегии и поведенческие образцы. На основе этих критериев ученые выделили 15 типов партий, которые включены, по их мнению, в «идеальные» виды политических партий:

партии элит,
народные/массовые партии,
этнически направленные партии,
электоральные партии;
партии-движения [259].

Партии элит обладают минимальной организационной структурой и основаны на межличностных отношениях и связях между элитами на определенной территории. Как правило, эти партии не содержат идеологических установок, сотрудничают между собой в представительных органах и подразделяются на два типа – традиционные партии местной элиты и клиентальные партии.

Народные/массовые партии подразделяются на два основных типа и шесть видов. Плюралистические массовые партии работают в рамках демократической системы, принимая ее институты и правила игры. Классовые массовые партии являются типично социал-демократическими, власть в которых принадлежит секретариату партии. Для них характерен раскол между руководством партии и парламентариями.

Этнически направленные партии отстаивают интересы определенной этнической группы, используя существующие государственные механизмы и не имея программы развития всего общества.

К *электоральным партиям* относятся партии, действующие по принципу «хватай всех». Они отличаются неглубокой организационной структурой, поверхностной и размытой идеологией и ориентированы исключительно на электорат. Цели таких партий – максимальное привлечение голосов, победа на выборах и получение депутатских мандатов. Политические ориентации партий эклектичны и меняются в зависимости от политической ситуации. Не имея ярко выраженной идеологии, партии делают ставку на личностные качества кандидатов.

Партии-движения находятся в концептуальном вакууме между политическими партиями и общественными движениями и не имеют четкой направленности [259].

С данным подходом очень трудно согласиться. Слишком размыты основания для отнесения политических партий к тем или иным типам, не выписаны их границы, не обозначены основополагающие факторы.

Для научного социологического анализа типологии политических партий важно использовать наработанный годами материал. В современной социологической, политологической, юридической и другой литературе политические партии в зависимости от множества системообразующих факторов делятся на целый ряд типов.

Наиболее известной в западной социологии и политологии является бинарная классификация политических партий известного французского политолога и социолога *Мориса Дюверже*. В ее основу положены два организационных принципа: тип связей между партией и ее членами и внутренняя структура политических организаций. В соответствии с этим партии делятся на *кадровые* и *массовые*.

«Различие кадровых и массовых партий, – отмечал *М. Дюверже*, – не связано ни с их масштабом, ни с их численностью; дело не в различии размеров, а в различии структур. Возьмем, к примеру, французскую социалистическую партию: рекрутирование новых чле-

нов представляет для нее основную задачу как с политической, так и с финансовой точки зрения. Ведь она прежде всего стремится дать политическое воспитание рабочему классу, выделить из его среды элиту, способную взять в свои руки власть и управление страной. А это означает, что члены составляют самую материю партии, субстанцию ее деятельности – без них она напоминала бы учителя без учеников. С точки зрения финансовой партия также существенно зависит от взносов своих членов: первейшая обязанность секций состоит в том, чтобы обеспечить регулярные денежные поступления. Таким образом, партия собирает средства, необходимые для политического просвещения и повседневной работы. Тем же путем она может финансировать и выборы – к аспекту финансовому присоединяется здесь политический. И этот последний аспект проблемы – основной, поскольку любая избирательная кампания требует больших расходов. Технология массовых партий заменяет капиталистический способ финансирования выборов демократическим» [53, с. 116–117].

Массовые политические партии возникли на волне рабочего движения в связи с распространением всеобщего избирательного права. Это крупные политические организации, имеющие сложную внутреннюю структуру и пользующиеся реальным влиянием – как формальным, так и неформальным – в политических системах, где они действуют. Массовые партии ориентированы на политическое воспитание и формирование новых элит. Их отличает четкая идеологическая направленность, использование активных идеологических и воспитательных форм деятельности, наличие тесной связи между членами и различными партийными структурами. Массовые партии объединяют достаточно большое количество членов, организованных в первичные структуры. Членство – фиксированное. Руководство партиями осуществляют профессиональные политики. Основные источники поступления денежных средств – членские взносы. Между членами существует постоянная связь. Массовые политические партии делятся на партии с рыхлой организационной структурой (социалистические партии Западной Европы) и с прочной организационной структурой (коммунистические партии).

Кадровые партии появились в середине XIX в. в процессе эволюции электоральных комитетов и парламентских групп. Основными структурными элементами кадровых партий были комитеты, которые строились по территориальному принципу, и численность их, как правило, была невелика. Комитеты представляли собой сплоченные структуры, имеющие постоянный состав активистов и обладающие навыками работы среди населения. Их основное назначение – проведение и организация предвыборных кампаний, а цель – победа на выборах. Члены комитета подбирали кандидатов для выборов в органы власти, изучали общественное мнение, предпочтения и интересы электората, помогали лидерам в формировании предвыборных речей и программ. Деятельность комитетов имела обычно сезонный характер. Она резко активизировалась накануне и в ходе избирательных кампаний в парламент или местные органы власти и затухала после их окончания. Вся их деятельность концентрировалась вокруг кандидатов на выборные посты. По мнению М. Дюверже, «кадровые партии – это объединения нотаблей, их цель – подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами. Прежде всего, это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические – те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые – они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение прежде всего, – это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния. То, чего массовые партии добиваются числом, кадровые достигают отбором» [53, с. 117–118].

В настоящее время кадровые партии отличаются сравнительной немногочисленностью, достаточно свободным членством, отсутствием механизма официального приема в партию, нет строго определенного статуса членов партии, они не имеют официально оформ-

ленного членства. Данные партии характеризуются свободой членов в обязательствах перед партией, опираются на профессиональных политиков и общественных активистов. Здесь нет членских взносов, поэтому постоянно привлекаются денежные средства спонсоров (олигархов, меценатов и т. д.). Для этих целей широко используется финансовая элита, способная оказывать политическим партиям существенную материальную поддержку.

Кадровые партии не имеют постоянной политической программы. Вместо нее утверждается предвыборная платформа. Активно привлекаются к работе в партии члены выборных органов, прежде всего парламентарии. Деятельность кадровых партий нацелена в первую очередь на выборы, поэтому они ориентированы не на то, чтобы иметь большое количество членов партии, а на то, чтобы широко использовать в предвыборной борьбе актив, представителей различных социальных элит. Партии стремятся привлечь их на свою сторону, так как они пользуются влиянием у избирателей и имеют значительные материальные ресурсы, которые используются во время избирательных кампаний. На местах нередко нет партийных организаций, собрания не проводятся, местное руководство не избирается, а составляется из известных бизнесменов и политиков.

Политическая активность кадровых партий резко возрастает с приближением выборов. Их основная задача в эти периоды – завоевание максимального количества избирателей. Такую партию идеологические вопросы волнуют только потому, что могут помочь их кандидатам. Как правило, большинство кадровых партий – «мягкие», т. е. не соблюдающие дисциплину голосования. Есть и исключения. Консервативная партия Великобритании представляет пример «жесткой» кадровой партии. Типичные современные кадровые партии – консервативные и либеральные партии США и Западной Европы. В США эти партии имеют специфику: постоянно используют первичные выборы (праймериз, предварительное голосование, определяющее кандидатов). Существует плотная организационная сеть (организационная тщательность): партии и избиратели находятся в постоянном контакте. Город разбит на избирательные округа, каждый округ – на избирательные участки, объединяющие 500 избирателей. Каждый округ находится под контролем «партийного босса». Создаются, по словам Р. Ж. Шварценберга, «квази-феодальные» прямые связи между представителями партийного механизма и избирателями соответствующие округа [205].

Некоторые исследователи выделяют *универсальные* партии (как результат развития современного общества). Универсальные партии можно отнести к массовым партиям, но лишь с той принципиальной оговоркой, что они, в отличие от социалистических и коммунистических партий, с момента своего возникновения не были связаны с определенными социальными слоями и классами и их идеологией. Эти партии обращаются ко всем слоям населения, к общечеловеческим ценностям. Они привержены идеям согласия, компромиссу, у них нет строгой иерархии. Первичные организации автономны в своей деятельности. Интерес – электоральный, т. е. общий для всех слоев населения. К числу таких партий относятся, например, современные партии «зеленых» [5; 100; 106; 108; 205; 591]. Т. В. Шмачкова выделяла следующие признаки подобных партий:

способность их лидера (или группы лидеров) объединять разные слои населения и устанавливать баланс их интересов;

прагматизм идеологии, позволяющий сочетать разные идеи, усиливающие политическую позицию партии;

стремление к союзам со многими, зачастую оппонирующими друг другу заинтересованными группами.

Исследовательница также отмечает, что в различных странах мира к универсальному типу тяготеют разные традиционные партии: в романских странах – социал-демократы, в Великобритании – консерваторы, в США – республиканцы [591, с. 230]. Из этого следует, что универсальными могут стать и левые, и центристские, и правые партии [205, ч. 3, с.

48]. Шварценберг считает появление универсальных («всеядных») партий признаком упадка классических партий, наряду с кризисом идеологий, размыванием социальной базы, ростом влияния внепартийных элит и групп интересов [205, ч. 3, с. 199].

Типология партий М. Дюверже была дополнена *Жаном Блонделем*. Он подразделял массовые партии на:

- представительные западного типа;
- коммунистические;
- популистские [609; 610].

Р. Ж. Шварценберг выделил среди массовых партий следующие основные модели: социалистическую; коммунистическую; фашистскую [205].

В 60-е гг. прошлого века годы известный американский политолог немецкого происхождения *Отто Киркхеймер*, которого не устраивала типология «массовые – кадровые» партии, предложил новый современный тип партии и назвал его «*всеохватывающая партия*». Volksparteien или catch – all parties (всеохватные, народные партии) – это новые партии, которые характеризуются значительным сокращением идеологического багажа, дальнейшим усилением роли лидерских групп, чьи действия все больше оцениваются по результатам, значимым для всего общества, а не по соответствию интересам конкретных ассоциаций, союзов и классов, уменьшением роли индивидуального члена партии, как и роли отдельных групп верных избирателей, клиентов и т. д., которые выводятся из игры апелляцией ко всему населению в целом [662].

О. Киркхеймер утверждал, что массовые и кадровые партии в современном обществе эволюционировали в сторону нового типа политических партий. Данный тип партии представители социологической науки определяют как «избирательный» или «электорально-массовый». Это «общенародная партия», «партия избирателей», «интерклассовая партия», «партия – хватай всех». В отличие от других политических партий она больше внимания уделяет своим избирателям, нежели членам организации; она менее идеологизирована, чаще организует массовые ненасильственные акции, обращается к широкой общественности и делает основную ставку на победу в избирательной кампании. Политические партии такого типа стремятся при помощи своей неидеологизированной программы привлечь на свою сторону как можно больше избирателей различной классовой, социальной и профессиональной принадлежности.

В то же время некоторые исследователи совершенно не принимают такой подход. Например, известный российский исследователь *Григорий Голосов* считает, что в 50-х гг. прошлого столетия началась стремительная дезинтеграция организационной модели массовой партии. Этому способствовало возникновение «государства всеобщего благосостояния», в котором жизненные стандарты и притязания рабочих и среднего класса сблизились так, что многие из ранее эффективных идеологем утратили убедительность. Сама идея классовой конфронтации, лежавшая в основе традиционных социалистических идеологий, перестала быть актуальной. Таким образом, уменьшилась ценность идеологии как средства поддержания организационной стабильности массовых партий. В этих условиях было логично пожертвовать идеологической жесткостью ради расширения электоральной базы, сделать ставку на те социальные слои, которые ранее голосовали за партии среднего класса. Так возникла новая организационная модель: партия, которая, удерживая некоторые организационные характеристики массовой (прежде всего массу членов), стала идеологически гибкой. Именно такую партию О. Киркхеймер назвал «всеядной». А так как ранее многие кадровые партии сформировали сходные организационные структуры, но идеологической жесткости

так и не приобрели, то «всеядными», с точки зрения Киркхеймера, оказались почти все партии Западной Европы.

Сегодня ясно, что подход О. Киркхеймера носил ситуационный, исторически ограниченный характер. Более того, этот подход познавательного непродуктивен. Концентрируя внимание на партийной идеологии, он предъявляет к ней заведомо завышенные требования, по сути дела признавая идеологической лишь такую партию, которая соответствует исторически ограниченным условиям функционирования массовых партий в первой половине XX в. Между тем демонтаж массовой партии не привел к исчезновению идеологии как центрального фактора в электоральном процессе. В терминах *Энтони Даунса* она остается важным (во многих контекстах – главным) «упрощающим устройством», позволяющим избирателю сделать выбор, не вникая в тонкости партийных программ по отдельным вопросам. Данные массовых опросов показывают, что даже политически неискушенные избиратели легко понимают идеологическую разницу между консерваторами и лейбористами в Великобритании, неоголлистами и социалистами во Франции, консерваторами и социалистами в Испании и т. д. Эта разница служит важным, хотя и не единственным, ориентиром при голосовании. Стоит отметить, что в США, где массовых партий никогда не было, а основные партии относятся к совершенно особому организационному типу, роль идеологии всегда была скромнее. Ее заменяла так называемая «партийная идентификация». В прошлое ушла организационная классическая модель массовой партии, а не идеология как таковая, – считает российский ученый *Г. Голосов* [266].

Картельная партия – в современной политической социологии (термин предложен *Ричардом Кацем* и *Питером Мэйром* в 1995 г.) обозначает тип партий – политических посредников, свободно оперирующих в избирательном пространстве и не привязанных к интересам какой бы то ни было социальной группы. С той или иной социальной группой эта партия заключает своего рода «политический контракт» на выражение ее интересов в течение определенного срока. Картельные партии, как правило, в той или иной мере находятся на службе государственной машины, почти полностью получая финансирование из бюджетных источников [337; 660; 661].

В зависимости от политической ориентации партии подразделяются на *левые*, *центристские* и *правые*. Принадлежность политической партии к тому или иному флангу определяется ее отношением к объему государственного вмешательства в экономические процессы, к рынку и социальным программам, к собственности на средства производства и землю. Деление на левых и правых довольно условно, вызвано оно расположением депутатов в Конвенте во времена Великой Французской революции. В 1789 г. депутаты Французского Учредительного (конституционного) собрания размещались в зале заседаний так: сторонники восстановления королевской власти находились справа, а революционеры-республиканцы – слева от председательствующего. С тех пор носители левых взглядов – это политические субъекты, настроенные решительно, радикально, выражающие интересы бедных слоев населения, носители правых взглядов – люди консервативных взглядов, выступающие в защиту интересов состоятельных слоев общества. Левые и правые партии обладают определенным набором принципов и ценностей.

В современной политической лексике к *левым*, как правило, относят коммунистов, социалистов, социал-демократов и лейбористов – тех, кто выступает за социалистическое развитие общества, за равенство и социальную справедливость, за общественную собственность на средства производства. Левые партии стремятся к ограничению стихийных проявлений рынка, активному государственному регулированию экономических процессов, уменьшению социального неравенства через расширение социальных программ. В сфере властных отношений левые политические партии поддерживают коллективное самоуправление на производстве. В экономике левые высказываются за превосходство коллективных

форм хозяйствования над частными. В середине XIX в. левые политические силы создали теории, которые затем получили название социалистических.

Крайне левыми политическими партиями считаются политические структуры радикальной направленности, склонные к силовым методам решения политических проблем, выступающие за всеобщее обобществление и другие шаги в сторону «военного коммунизма». К их числу относились партии, появившиеся под влиянием идей *Льва Троцкого* и *Мао Дзедун*а. В 60-е – начале 70-х гг. эти партии были довольно распространены в мире. Они призывали к построению социалистического общества путем насилия, включали в свои ряды сторонников не только чисто теоретических моделей радикальной теории, но и революционной практики. Самые «сверхлевые» объединения активно применяли методы вооруженной борьбы. Среди них – известная во всем мире в 70-е гг. прошлого столетия организация сверхреволюционной молодежи в ФРГ «Фракция Красной Армии» (группа Баадер-Майнхоф), группы «Аксъон Директ» («Прямое действие») во Франции и «Красные бригады» в Италии. Эти политические структуры похищали людей, устраивали взрывы, считая, что таким образом они разрушают «прогнившее буржуазное общество» и устанавливают новую и счастливую жизнь.

Правыми называют партии противоположного направления – либерального и консервативного. К правым относят политические партии, которые ориентированы на неограниченную рыночную экономику, чисто мониторинговые методы регулирования экономических процессов, приватизацию и разгосударствление, достижение экономической эффективности путем стимулирования «свободной игры» субъектов рынка при минимальном вмешательстве государства в экономику. Цель «правых» – экономное государство, в котором будут упорядочены социальные льготы, выплаты и пособия, ограничено число получателей социальной помощи, выплачиваемой только наиболее слабым и обездоленным группам населения. Для правых партий характерно негативное отношение к любым альтернативным формам коллективного управления. Идеал «правой» экономической доктрины – «абсолютно свободный планетарный рынок», обусловленный частной собственностью на средства производства и полным невмешательством государства в экономику. «Правые», как правило, консервативны, им присущи культ власти и стабильность. В середине XX в. концепции «правых» сложились в теории индустриального и постиндустриального общества. Наиболее известными программами данного направления были «Новый курс» Ф. Рузвельта, «Справедливый курс» Г. Трумэна, «Новые рубежи» Дж. Кеннеди, «Великое общество» Л. Джонсона в США, программа «Народного фронта» 1936 г. во Франции, «Социальное рыночное хозяйство» Л. Эрхарда в ФРГ, «Государство всеобщего благоденствия» английских лейбористов, «Пакт Монклоа» в Испании и т. д. [98; 108].

К *крайне правым* партиям относятся фашисты, религиозные фундаменталисты и националисты, хотя их политические и экономические платформы не всегда совпадают с либеральными и консервативными ценностями. Эти немногочисленные, но агрессивные политические партии иногда бывают достаточно влиятельны и пользуются определенной поддержкой избирателей. Так, например, к числу крайне правых партий можно отнести французскую партию «Национальный фронт», возглавляемую известным лидером Ж.-М. ле Пенем; Республиканскую партию ФРГ – немногочисленную, но очень активную. На выборах, особенно в отдельных регионах, в последние годы крайне правые партии набирали достаточно много голосов (10–20 процентов), что по западным меркам означает существенный успех.

В государствах с устойчивой демократией крайне правые политические силы практически не влияют на политические процессы в обществе, поэтому они участвуют в политической жизни, так как считается, что давление на политические партии, даже нарушающие общепризнанные человеческие принципы и нормы, антидемократично.

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе «левыми» стали называть сторонников рыночных реформ, которые были «правыми» по западным меркам. «Правыми» же считали сторонников социалистического общества, хотя по общемировым стандартам все было наоборот. Это было связано с тем, что в общественном сознании советских граждан сложилось убеждение, что «левые» – более прогрессивная политическая сила, работающая на благо советского народа. Несколько лет назад дефиниции «правые» и «левые» вновь поменялись местами, их стали употреблять в смысле, близком к общемировым стандартам.

В последние годы стал модным и престижным термин *«центристы»*, то есть не относящиеся ни к левым, ни к правым. К «центру» принадлежат партии, чьи предпочтения в отношении рынка и государственного регулирования четко не определены либо носят компромиссный характер. Они не имеют четких идеологических убеждений и готовы решать вопросы в соответствии с конкретной ситуацией. Эти партии обычно отражают идеологию так называемого «среднего класса», правда, далеко не всех его представителей, а лишь наиболее «продвинутой» части. В центристские партии часто входит научно-техническая, творческая интеллигенция. Обычно это небольшие по количеству, но достаточно влиятельные партии, в состав которых входят представители политической элиты – сильные публицисты, блестящие экономисты, чьи идеи привлекательны и популярны. В странах Запада этот сектор политического пространства чаще всего занимают либералы [98; 106; 108].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.